

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Экономический факультет

Л.С. Крыжанова, Д.В. Шипилов

**ЗАКОНОМЕРНОСТИ
И ОСОБЕННОСТИ
ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ПРОЦЕССОВ**

Бишкек 2015

УДК 330.34.
ББК 65.9 (2)
К 85

Ответственный редактор:
д-р экон. наук, проф. *Г.В. Кумсков*

Рецензенты:
д-р экон. наук, проф. *Е.В. Плоских*,
канд. экон. наук, доц. *О.А. Садовская*

Рекомендовано к изданию НТС КРСУ

Крыжанова Л.С., Шипилов Д.В.

К 85 ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ / отв. ред. Г.В. Кумсков. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2015. 112 с.

ISBN 978-9967-19-129-7

Рассмотрены сущность и основные черты трансформационной экономики: закономерности и особенности экономических трансформаций в Кыргызской Республике, методологические проблемы исследования трансформационной экономики. Проанализировано влияние трансформационных процессов на социально-экономическое положение Кыргызской Республики в условиях межсистемного перехода, а также выявлена роль государства в регулировании трансформационных экономических процессов.

К 0605010000-14

ISBN 978-9967-19-129-7

УДК 330.34.

ББК 65.9 (2)

© ГОУВПО КРСУ, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Сущность и основные черты трансформационной экономики	5
1.1. Общие закономерности и противоречия переходной экономики.....	5
1.2. Методология исследования и критерии социально-экономических трансформаций	17
1.3. Этапы трансформаций и типы трансформационных экономик	30
Глава 2. Особенности трансформационных процессов в Кыргызской Республике	38
2.1. Влияние трансформационных процессов на социально-экономическое положение Кыргызской Республики в условиях межсистемного перехода.....	38
2.2. Объективная предопределенность экономического спада в переходный период и факторы, определяющие его продолжительность в экономике Кыргызстана	52
2.3. Рыночная трансформация как процесс первоначального накопления капитала: общие закономерности и национальные особенности их реализации.....	64
Глава 3. Проблемы сбалансированности и роста в трансформационной экономике	84
3.1. Особенности трансформационных экономических процессов в постсоциалистических странах.....	84
3.2. Предпосылки экономической стабилизации и последующего экономического роста	93
3.3. Роль государства в регулировании трансформационных экономических процессов	96
Заключение	106
Литература	108

ВВЕДЕНИЕ

В ходе экономических реформ Республика Кыргызстан, как и другие постсоциалистические страны, переходит от административно-командной системы к современной рыночной экономике. Необходимо отметить, что содержанием трансформационной экономики является не столько реформирование методов хозяйствования и экономической политики, сколько преобразование всей системы социально-экономических отношений. Трансформируются практически все составляющие экономики: отношения собственности, тип воспроизводства, размещение ресурсов, институты, мотивация, цели и средства экономического развития, законодательная и правовая база.

Экономическая теория разработала некоторые подходы к решению проблем переходного периода, однако это были проблемы развивающихся стран, переходящих от традиционной к современной рыночной системе. Эти решения пригодны лишь частично, а остро необходимое для постсоциалистических стран новое направление экономической теории – экономические проблемы трансформационного периода – еще только в стадии становления. Необходимость перехода от административно-командной к современной рыночной экономике была обусловлена многими факторами по мере исчерпания экстенсивных факторов экономического роста. Очевидно, что трансформационная экономика представляет собой специфический социально-экономический строй, который не образует единую социально-экономическую систему. В социально-экономической системе (не в трансформационной) все элементы подчинены господствующему строю, т. к. их функционирование определяется господствующим способом производства. Трансформационная же экономика характеризуется закономерным распадом «старой» системы и формированием «новой», переходящей в качественно иное состояние.

Таким образом, чрезвычайно актуальным представляется исследование понятия трансформационной экономики и особенностей происходящих трансформационных экономических процессов в Кыргызстане на современном этапе на основе анализа теоретического и практического опыта.

ГЛАВА 1. СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ТРАНСФОРМАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

1.1. Общие закономерности и противоречия переходной экономики

Трансформационная (переходная) экономика представляет собой особое состояние экономической системы, когда она функционирует в период перехода общества от одной сложившейся исторической системы к другой. Трансформационный период – это период времени, в течение которого общество осуществляет коренные экономические, политические и социальные преобразования, а экономика страны переходит в новое, качественно иное состояние в связи с кардинальными реформами экономической системы¹.

Особенной чертой трансформационной экономики являются масштабность и глубина грядущих преобразований. Они проникают во все сферы и охватывают основы существующего строя: общественное сознание, политическую и правовую системы общества, отношения собственности. Безусловно, что переход к рыночной экономике требует серьезных изменений в институциональной структуре общества, институциональной трансформации, а именно: преобразования отношений собственности (приватизацию) и введения института частной собственности, либерализации экономики, создания рыночных законов и ограничения роли государства, формирования новых субъектов хозяйствования.

Другой характерной чертой переходной экономики является социально-экономический кризис, возникший как результат распада командно-административной системы. Этот кризис характеризуется массовым снижением объемов производства, ухудшением жизненного уровня населения, безработицей, инфляцией, банкротством предприятий.

¹ Бузгалин А.В. Переходная экономика: курс лекций по политической экономии. М.: Таурус; Просперус, 2008. С. 135.

В переходной экономике любого типа обязательно осуществляется воспроизводственный процесс. Его общие особенности по сравнению с воспроизводством в «другой» системе можно было бы назвать специфическими закономерностями функционирования переходной экономики.

К ним относится *закономерность особой структуры переходной экономики*. Она проявляется в сосуществовании и взаимодействии старых, новых и переходных форм. Старые формы – свидетельство остатков прежней системы, новые – характеристика отдельных свойств будущей системы. Переходные формы имеют смешанное содержание, непосредственно выражая собой противоречивость старых и новых отношений. Например, пенсии и оплата труда в бюджетной сфере в кыргызской экономике продолжительное время своим низким уровнем и уравнильным характером несли на себе в основном черты прежней плановой экономики и не соответствовали принципам будущей рыночной экономики.

Еще одна вытекающая из особой структуры переходной экономики *общая закономерность – инерционность воспроизводства и необходимость преимущественного развития новых форм и отношений*. Инерционность воспроизводства вытекает из непрерывности процесса перехода, исключающей развитие на основе первоначального разрушения «до основания» всего старого, а затем формирования с нуля всего будущего. Эта непрерывность объясняет и невозможность быстрой замены старых форм. Инерционность воспроизводства в этом смысле предполагает и требует сохранения в переходной экономике (на достаточно длительный срок межсистемного перехода) старых экономических форм.

Инерционность воспроизводственного процесса определяет ряд существенных факторов, которые важно учитывать в политике переходных преобразований. Во-первых, она выявляет глубокую зависимость переходного процесса от его первоначального состояния. Во-вторых, именно она во многом определяет относительно длительные сроки переходной экономики. В-третьих, инерционность способствует длительному сохранению сложившегося в прошлом общественного и национального менталитета.

Этот менталитет, концентрируясь в программах различных социальных сил, тормозит процесс преобразований в обществе.

Необходимость интенсивного преимущественного развития новых форм и отношений – другая сторона этой общей закономерности. Она выражает направленность переходных преобразований, а также важнейшее условие, без которого переходный процесс просто не может быть завершен. Конечно, новые формы развиваются и спонтанно, так, например, развивались рыночные отношения в «теневом» секторе в условиях еще плановой экономики, таково во многом становление малого бизнеса в современной переходной кыргызской экономике. Однако развитие новых форм может осуществляться несколько быстрее при действительно преимущественном внимании к ним в экономической политике преобразований. При этом их интенсивное развитие может осуществляться в различных направлениях. Во-первых, это непосредственное появление новых форм, не свойственных содержанию прежней системы. Таково, к примеру, возникновение в кыргызской экономике частных предприятий, существование которых исключалось в плановой экономике. Во-вторых, развитие новых отношений возможно путем изменения содержания прежних форм. Так, в начале переходного периода многие государственные предприятия меняли административно-бюрократический тип функционирования и на основе акционирования и коммерциализации трансформировались в субъекты реальных рыночных отношений.

Следующей *общей закономерностью переходной экономики является альтернативность развития*. Альтернативность конечных изменений означает отсутствие заранее предопределенной модели будущей новой системы, и ее основа будет зависеть от конкретного хода преобразований.

Вытекающая из неустойчивого состояния экономики, связанного с высокой степенью неопределенности, она означает возможность разных вариантов протекания переходных процессов, а также их завершения. Альтернативность хода преобразований, например, плановой экономики в рыночную, может проявляться в разных темпах преобразований, неодинаковой длительности сохранения некоторых старых форм, последовательности отдель-

ных мероприятий, вариантах формирующейся структуры экономики и т. п.

Альтернативность развития имеет большое значение в межсистемных переходных преобразованиях. Она предполагает неизбежность и обязательность тех или иных коррективов первоначально намеченного круга мероприятий в зависимости от складывающейся экономической ситуации, сочетания и взаимодействия разных факторов.

И наконец, еще одна *общая закономерность переходной экономики – ее макроравновесие*. Дело в том, что макроравновесие – одно из коренных свойств экономической системы, как и системы вообще. Это выражается в том, что, во-первых, система представляет собой совокупность элементов, объединяемых ее структурой в органическую целостность; во-вторых, функционирование системы есть постоянное сохранение, воспроизводство этих элементов и структуры, что и придает ей устойчивость; в-третьих, именно устойчивость экономической системы обеспечивает нормальное удовлетворение существующих потребностей общества. Макроравновесие в этом смысле есть нормальное состояние экономической системы.

Оно имеет неодинаковое выражение в разных экономических системах. Так, в рыночной экономике общее равновесие связано с равенством совокупного спроса и совокупного предложения. Нормальное состояние (макроравновесие) плановой экономики предполагает существование в экономике глубоких диспропорций, постоянного и всеобщего дефицита. Конечно, макроравновесие экономической системы не абсолютно, более того, практически она чаще находится в неравновесном состоянии. Однако это нарушение макроравновесия, во-первых, временно; во-вторых, оно предполагает обязательный ее возврат в нормальное, равновесное состояние; в-третьих, экономическая система обладает механизмом такого возврата. Так, при нарушении макроравновесия циклическим кризисом перепроизводства в рыночной экономической системе вступает в действие механизм изменения цен, заработной платы, движения процентной ставки, обесценения капитала и др. Экономическая теория

вскрывает закономерности функционирования экономики и отражает их в определенных моделях на основе анализа именно устойчивой, равновесной, стационарной экономической системы не только потому, что это предполагает присущий науке метод абстрагирования, но и потому, что ее нормальное состояние есть действительно макроравновесие.

Переходная экономика, представляющая межсистемное состояние, как уже отмечалось, – это не система в известном смысле слова. Уже поэтому к ней не может быть отнесено сказанное только что выше. Сам характер межсистемного перехода означает, что его нормальное состояние – именно макронеравновесие. Переходная экономика не обладает совокупностью элементов и структуры, постоянно воспроизводящихся. Наоборот, ее содержание связано с постоянным, можно сказать, ежедневным изменением этих элементов и структуры, постоянной трансформацией прежней системы в иную, новую. Макронеравновесие переходной экономики – это ее нормальное состояние, так как оно определяет ее изменчивое состояние, ее постоянный переход из одного состояния в другое. Эта изменчивость сохраняется вплоть до завершения межсистемного перехода. Только тогда нормальное макронеравновесное состояние переходной экономики сменяется нормальным состоянием (макроравновесием) новой системы.

Международный опыт показывает, что в каждой стране, ставшей на путь перехода к рыночной экономике, существуют свои концепции и программы решения главных задач переходной экономики, формирования рыночных отношений. Вместе с тем в них можно выделить несколько общих направлений:

- либерализацию экономики, связанную, в первую очередь, с отпуском цен. Это первоочередной шаг реформирования экономики. Он позволяет выявить реальное соотношение спроса и предложения, определить нерентабельные виды производства и тем самым наметить первоочередные направления структурной перестройки национального хозяйства. Дальнейшие шаги – освобождение от государственного диктата финансовых отношений, а также внутренней и внешней торговли;

- реформирование отношений собственности путем разгосударствления и приватизации государственной собственности. Именно в результате приватизации должно установиться многообразие форм собственности: государственной, коллективной и частной. Они необходимы для преодоления монополии государства, формирования многоукладной рыночной экономики, сокращения сферы государственной регламентации общественного производства, создания и развития конкурентных рыночных отношений;
- стабилизацию экономики, под которой понимается устранение резких колебаний освобожденных цен и формирование устойчивых финансовых отношений;
- реструктуризацию (структурную перестройку) экономики и отдельных предприятий, включающую мероприятия по санации производства, приведение структуры национального хозяйства в соответствие с требованиями современной рыночной экономики и потребностями страны, перестройкой технической базы предприятий на основе передовых, высокоэффективных технологий;
- интеграцию национальной экономики в систему мирохозяйственных связей, становление экономики открытого типа. Для этого нужно осуществить либерализацию внешней торговли, дать надежную правовую и экономическую защиту иностранных инвестиций, обеспечить подлинную конвертируемость национальной валюты.

Таким образом, трансформационная экономика представляет собой особое состояние экономической системы, когда она функционирует в период перехода общества от одной сложившейся исторической системы к другой. Переходный период – это период времени, в течение которого общество осуществляет коренные экономические, политические и социальные преобразования, а экономика страны переходит в новое, качественно иное состояние в связи с кардинальными реформами экономической системы.

Трансформационная экономика имеет ряд отличительных признаков: неустойчивость; отсутствие или зачаточное состоя-

ние отдельных институтов рынка; масштабность и глубина идущих преобразований; альтернативный характер и другие.

Можно выделить следующие главные задачи трансформационной экономики:

1. Преодоление кризисных явлений, углубившихся после вступления общества в переходную экономику.

2. Реформирование отношений собственности как основы экономической системы.

3. Формирование рыночных отношений и рыночной инфраструктуры.

4. Создание условий экономической свободы для всех субъектов хозяйствования.

5. Создание развитой системы социальной защиты и социальных гарантий, поддерживающих население от тяжелых последствий реформирования экономики.

Таким образом, можно выделить общие закономерности переходной экономики:

- инерционность воспроизводства;
- интенсивное преимущественное развитие новых форм и отношений;
- альтернативность развития;
- макроэкономическое неравновесие.

В то же время трансформационная экономика характеризуется следующими основными чертами, отличающими ее от других сложившихся систем:

- Во-первых, она представляет собой межсистемное образование. Поэтому сущность трансформационной экономики представляет собой смесь, сочетание административно-командной и современной рыночной систем с их зачастую противоречиво функционирующими элементами.
- Во-вторых, если для командной и рыночной экономик свойственна определенная целостность, устойчивость развития, то переходная экономика характеризуется неустойчивостью состояния, нарушением целостности. Такое положение, являющееся кризисным для сложившейся экономиче-

ской системы, можно рассматривать как нормальное для трансформирующейся экономики. Сохранение и воспроизводство в течение относительно длительного времени неустойчивости, неравновесия системы имеют свою причину – изменение цели. Если в обычной, устойчивой системе такой целью является ее самосохранение, то для переходной экономики – трансформация в другую систему.

- В-третьих, трансформационная экономика характеризуется количественным и качественным изменением состава элементов. В ней остались структурные элементы предыдущей системы: государственные предприятия, банки, колхозы, производственные кооперативы, домашние хозяйства и государство. Но эти элементы функционируют в качественно другой, преобразующейся экономической системе и поэтому изменяют как свое содержание, так и свои функции, связанные с зарождением рыночной экономики. И в то же время в переходной экономике появляются новые, не свойственные старой системе элементы: предпринимательские структуры различных форм собственности, негосударственные предприятия, биржи, коммерческие банки, негосударственные пенсионные, страховые и другие фонды, фермерские хозяйства.
- В-четвертых, в переходной экономике наблюдается качественное изменение системных связей и отношений. Распались и исчезли старые планово-директивные связи между субъектами экономики, образовав свободное пространство для формирования новых рыночных связей. Однако оставшиеся, сохранившиеся связи еще носят переходный неустойчивый характер и проявляются в такой деформированной форме, как «бартерные» сделки и расчеты между предприятиями, взаимные неплатежи между субъектами хозяйствования характеризуются частыми сбоями и кризисными проявлениями¹.

¹ Бузгалин А.В. Переходная экономика: курс лекций по политической экономии. М.: Таурус; Просперус, 2008. С. 137.

Содержанием же переходной экономики является создание рыночных отношений, реформирование экономической политики и методов хозяйствования, преобразование социально-экономических отношений в направлении демократизации и либерализации.

Целью идущих преобразований в странах СНГ является социально ориентированная модель рыночной экономики. Она отличается от других моделей тем, что в ее основе лежит широкое разнообразие форм собственности, причем значительное место в экономике занимает государственный сектор.

Основная трудность переходного периода – это создание институтов рыночной экономики. Институты в широком смысле представляют собой правила экономического поведения и механизмы, обеспечивающие их выполнение, а также экономические организации, субъекты хозяйствования. В переходный период формируются институты, без которых не может нормально функционировать рыночная экономика: частная собственность, экономическая свобода и ответственность хозяйствующих субъектов, конкуренция, рыночная инфраструктура и др.

Характерный признак трансформационной экономики – институциональная неполнота, отсутствие или зачаточное состояние отдельных институтов рынка. В большинстве стран СНГ – это, прежде всего, отсутствие рынка земли, слабое развитие фондового рынка и всей инфраструктуры рынка в целом. Значительно замедляют рыночные преобразования, не работают законы о несостоятельности и банкротстве предприятий. Объективная причина этого – глубокий экономический кризис, характерный для первого этапа рыночных преобразований. Он обусловил массовую финансовую несостоятельность и взаимные неплатежи предприятий. Приведение в действие в таких условиях закона о банкротстве, без учета объективных причин, привело к закрытию большинства предприятий и вызвало массовую безработицу.

Иногда переходный процесс (межсистемный переход) как особенный объект изучения отвергается на том основании, что вся экономическая деятельность носит «текущий», т. е. постоянно

меняющийся и в этом смысле «переходный» характер. Соответственно отрицается и необходимость особой теории переходной экономики. Текучесть (и «переходность» в этом смысле) экономической деятельности очевидна. Но в то же время следует видеть различия этой текучести, изменчивости в рамках экономической системы, когда изменения являются лишь моментом функционирования системы, ее определенного развития, но сохраняют ее основные черты, и изменения в условиях, когда данная система отмирает под воздействием элементов новой, формирующейся системы. Если в первом случае мы имеем дело с эволюцией, то во втором – с революционным изменением в экономической деятельности. Это качественно иной процесс, и поэтому объект изучения здесь качественно иной по сравнению с эволюционно развивающейся системой.

Конечно, и эволюционные изменения в определенный период могут порождать те или иные несоответствия и противоречия в функционировании экономической системы. Возникает необходимость каких-то частичных изменений, направленных на ее усовершенствование. В этом случае речь идет о реформировании системы, т. е., в буквальном смысле, о некотором изменении форм при сохранении ее коренного содержания. Относительно крупное и мелкое экономическое реформирование в рамках индустриально-рыночной системы, например, проявляется в постоянной практике изменения хозяйственного законодательства, которое фактически в какой-то мере меняет конкретные формы экономической деятельности. Трансформация экономических процессов, характерная для межсистемного состояния, в этом смысле принципиально отлична от реформирования. Если реформирование есть процесс усовершенствования данной системы, то трансформационный процесс есть процесс преобразования одной системы в другую, т. е. направлен на слом одной системы и формирование другой.

Сказанное выше позволяет сделать вывод о содержании широко применяющегося в настоящее время понятия «переходная экономика». Во-первых, это характеристика экономической деятельности, т. е. понятие «переходная экономика» связано с моментом научного абстрагирования от других сфер жизне-

деятельности человека. Во-вторых, это понятие характеризует экономическую деятельность за рамками определенной системы именно как межсистемное состояние в течение достаточно длительного временного (переходного) периода. В-третьих, в силу объективного характера межсистемного перехода понятие «переходная экономика» приобретает характер научной категории, отражающей сложный специфический комплекс экономической деятельности в особом состоянии, который должен быть объектом экономической теории.

Таким образом, процесс преобразования одной системы в другую сопровождается целым рядом противоречий. Противоречия играют важную роль в развитии, в частности в социально-экономическом. Противоречия переходной экономики носят специфический характер. Это противоречия не внутрисистемные. Основное противоречие переходной экономики есть противоречие старых и новых форм и отношений, противоречие разных, стоящих за этими формами социальных слоев общества. Специфический ответ общества на вызов данного противоречия всегда носит революционный характер, так как связан со сменой экономических систем.

Выражающаяся, прежде всего, в основном противоречии принципиальная противоречивость переходной экономики – ее нормальное состояние. Ответ на данную противоречивость реализуется, как отмечалось ранее, в борьбе, взаимодействии старых, инерционно воспроизводящихся форм и новых форм, предполагающих свое преимущественное развитие. Однако в различных странах основное противоречие переходной экономики обнаруживает разную степень глубины и остроты, что существенно влияет (и в этом состоит важность анализа и учета данного противоречия) на общий процесс и результаты переходных преобразований. Степень проявления основного противоречия переходной экономики, прежде всего, зависит от исходного состояния к началу перехода. Это состояние характеризуется уровнем и структурой общественного производства, формами существующих экономических отношений, господствующим общественным и национальным менталитетом. Именно исходное

состояние экономики к началу переходного периода обуславливает масштабы предстоящих преобразований, связанные с ними издержки общества, продолжительность переходного процесса. Чем больше масштабы и сложность переходных преобразований, тем большие издержки несет в их ходе общество, тем большее тормозящее воздействие на рост производства оказывает основное противоречие, тем продолжительнее переходный период.

При сравнительном анализе переходных преобразований в разных постсоциалистических странах в настоящее время их успешное или неуспешное развитие связывают, как правило, с формами экономической политики, а именно методами, темпами, последовательностью преобразований и т. д., а характер исходного состояния, т. е. степень проявления основного противоречия переходной экономики, учитывают недостаточно. Однако, например, в кыргызской экономике его негативное действие очевидно, если учесть безраздельное господство государственной собственности на средства производства, особую глубину диспропорциональности, свойственную народному хозяйству, высокий удельный вес первичного сектора. Таким образом, формы собственности, адекватные будущей (рыночной) экономической системе, а также свойственную им инфраструктуру приходится создавать практически заново, т. е. с нуля.

Научный подход к основному противоречию переходной экономики позволяет минимизировать эти издержки, обеспечить наибольшую эффективность преобразований. Такой подход, прежде всего, предполагает правильное понимание его содержания и характера. Противоречивое взаимодействие старых и новых форм в этот период – это необходимый набор этих форм, когда они не могут обходиться друг без друга и выполняют в отношении противостоящих форм полезные функции. Поэтому переходные преобразования не должны быть в принципе направлены на скорейшее уничтожение «до основания» старых форм. Объективное допустимое сосуществование старых и новых форм предполагает относительно длительное сохранение «старого» – до тех пор, пока оно выполняет полезные функции и эффект от его функционирования превышает потери, возникающие при его устранении.

Большое значение для правильного учета основного противоречия имеет и обеспечение объективных приоритетов в экономической политике переходного периода. Такими приоритетами в переходной экономике, например, постсоциалистических стран являются: ориентация на формирование реального рынка; преимущественное внимание развитию частного сектора и свойственной ему частной собственности; максимальный учет макронеровновесного характера экономики, проявляющийся в оптимальном сочетании мер, обеспечивающих стабилизацию определенных макроэкономических параметров, и мер по дальнейшему изменению производственной и экономической структуры национального хозяйства.

1.2. Методология исследования и критерии социально-экономических трансформаций

Социально-экономическая трансформация охватывает все сферы жизнедеятельности общества в процессе переходного периода, а именно межсистемного перехода. В этом смысле, исследуя, прежде всего, трансформацию экономической деятельности, мы рассматриваем ключевой аспект, определяющий изменения во всех других сферах. Вместе с тем необходимо иметь в виду не только относительную самостоятельность других сфер, но и то (поскольку речь идет о переходных преобразованиях), что результат преобразований во многом зависит от правильных субъективных решений по их осуществлению.

Особенность объекта и предмета анализа переходной экономической деятельности, в свою очередь, означает необходимость учета ряда моментов, не свойственных в аналогичной степени исследованию экономических систем. Так, в межсистемном переходе вместо «системных» закономерностей воспроизводства системы на первый план выходят закономерности преобразований; место противоречий системы, ведущих к внутрисистемному реформированию, занимают противоречия, характеризующие борьбу двух разных систем; преимущественно статический анализ, характерный для исследования той или другой системы, должен уступить преимущественное место динамическому подходу,

дающему в принципе иные результаты-выводы, нежели подход статический; конкретно-страновой характер переходных процессов делает особо важной роль «общего» в определении направлений трансформации, без чего (без теории переходной экономики, акцентирующей внимание именно на общих чертах перехода) анализ может скатиться к простому описанию явлений, утратить ориентиры происходящей трансформации.

До начала XX в. экономическое положение России характеризовалось как состояние страны запоздалого развития, экономика которой проходила «традиционные» этапы: период 1861–1885 гг. трактовался как переходный период от феодально-крепостнического строя к индустриально-капиталистическому, а предвоенные 1885–1913 гг. – как период бурного развития капиталистического хозяйства. Октябрьская революция 1917 г. прервала этот эволюционный процесс: в России (СССР) стала формироваться нигде не существовавшая прежде плановая экономика, функционирующая во имя построения социализма (коммунизма)¹. Кыргызстан же от родоплеменных отношений, минуя капиталистический способ производства в составе СССР, также приступил к построению социализма. Распад Советского Союза к концу XX в. привел к процессу перехода всех бывших республик от плана к рынку, или от социализма к капитализму.

В основе такого методологического вывода лежало своеобразие, даже уникальность пути, пройденного всеми республиками бывшего СССР в XX в., трактуемого некоторыми российскими авторами как «исторический зигзаг, приведший общество в тупик», «историческая потеря времени» и т. п. В этой связи и переходный процесс, начавшийся в России в 90-е гг., представлялся как чисто возвратное движение – к давно известным рыночным формам, к капитализму, в то время как в мире уже явно проступали посткапиталистические тенденции. Сложнее оказалось Кыргызстану, так как у него не было опыта построения капитализма и как бы и возвращаться было не к чему, а все надо начинать

¹ Трансформационная экономика России / под ред. А.В. Бузгалина. М., 2006. С. 86.

с нуля или использовать опыт других стран, например России. Но акцент на уникальности прошлого и настоящего России, в свою очередь, порождает вопрос о правомерности теоретического обобщения почти векового экономического развития страны. Логически возникала постановка вопроса: если «социалистический опыт» России выпадает из сложившихся канонов экономической теории, то в какой мере и как именно рассматривать российские переходные процессы в координатах современного мирового развития и т. д.

На деле описанный методологический подход искажает реальное развитие России в XX в., ее место в общемировом хозяйственном процессе, а также и тенденции ее современного развития. Экономические преобразования в России после 1917 г. нельзя рассматривать как полностью выпадающие из руслу общемирового развития. Дело в том, что рыночная экономика, представленная в трудах А. Смита, А. Маршалла, к концу XIX в. оказалась в состоянии кризиса, ярким проявлением которого стала Первая мировая война. Выход из этого кризиса виделся во внедрении в экономический процесс известного централизованного начала. Подобная необходимость получает отражение и в экономической теории. Так, одна из концепций, уходящая корнями к учению К. Маркса, предполагала полный отказ от рыночных отношений и замену их планомерными отношениями централизованного управления экономикой. Другая концепция, возникшая в начале XX в. и связанная с именами В. Парето и Э. Бароне, «сохраняла» рыночный механизм, но считала возможным и необходимым установление всех его параметров (прежде всего, цен) центральным органом (государством). Она получила название «рыночного социализма». Третья концепция, предложенная Дж. Кейнсом и получившая наибольшее применение, предлагала усовершенствовать рыночный механизм, дополнив его в необходимых случаях эффективным вмешательством государства.

В России после 1917 г. в силу целого ряда причин, как известно, был избран первый вариант (внедрение в экономический процесс централизованного начала), но в рассматриваемом аспекте важно подчеркнуть, что он также являлся ответом на

возникшие в функционировании рыночной экономики проблемы. Далее следует отметить, что характер преобразований экономической деятельности в советской экономике после 1917 г. был связан с продолжением «линии» на смену доминирующего фактора производства. В стране проводилась ускоренная индустриализация, интенсивно реализовывалась модель догоняющего развития. В итоге СССР вышел на второе место в мире (после США) по валовым показателям, высокое развитие получил ряд прогрессивных отраслей индустрии (космическая, атомная, авиостроение и др.), хотя в целом индустриализация не была доведена до полного завершения.

Преобразования другой стороны экономической деятельности связаны с развитием плановых, в известной мере, полунатуральных отношений. Плановая экономика характерна подавлением реального механизма рыночных отношений. Вместе с тем она не уничтожает полностью их потенциал: на всех ее этапах сохраняются деньги, их обязательное применение в потребительском секторе, где действует жесткое бюджетное ограничение, денежные формы отношений между производственными агентами, денежное измерение затрат и т. д. И если советская экономика, безусловно, развивалась как экономика индустриального типа, то в совокупности с экономическими отношениями ее можно было бы трактовать как модифицированную форму индустриально-рыночного общества. Потому и ее развитие в XX в. ошибочно трактовать лишь как «исторический зигзаг» и «потерю времени», поскольку в это время решались (и в отдельные периоды достаточно успешно) задачи индустриального развития страны, особенно в республиках, входивших в состав СССР. Точно так же и современный переходный процесс в России не может рассматриваться лишь как возврат к прошлому.

Таким образом, методологический подход к изучению современных переходных преобразований в России и в странах СНГ основан на рассмотрении их не как некоего уникального явления, а как явления, непосредственно связанного с процессом общемирового развития. Эти преобразования носят ярко выраженные специфические черты. Специфика плановой экономики оказыва-

ет сильное воздействие на характер переходных преобразований во всех постсоциалистических странах, но в то же время они находятся, прежде всего, под воздействием общих черт и тенденций современной мировой переходной эпохи.

Одним из неопровержимых общих методологических выводов, доказанных экономической наукой, является необходимость индустриализации экономики для развивающихся стран. Модель догоняющего развития признается в мировой практике широкой перспективой развития для экономически отсталых и среднеразвитых стран. Сущность этой модели состоит в ускоренной индустриализации стран при ведущей, организующей роли государства.

В условиях перехода бывших советских республик к рыночным отношениям появилась острая необходимость придать ей рыночный характер. Необходимо было придерживаться конкретных критериев, чтобы трансформация экономики была рыночной по своей сущности.

Самый главный и исходный критерий вытекает из того, что рыночная экономика основывается на общественном разделении труда и для рыночной экономики необходимо наличие и функционирование разных хозяйствующих субъектов, выступающих в качестве самостоятельных агентов экономической деятельности. Рыночная экономика, следовательно, не может быть тотально огосударственной и представлять собой одно нераздельное целое в виде огромного завода, управляемого из единого государственного центра. Если экономика является государственной, централизованно управляемой с помощью планов и директивных решений, то, безусловно, требуется ее разгосударствление и демополизация. Только благодаря этому в экономике может появиться огромное число самых разных предприятий и хозяйств, действующих самостоятельно на свой страх и риск.

Если в рыночной экономике имеется огромная масса самых разных хозяйственных подразделений и самостоятельных хозяйствующих субъектов, то для них должна быть свобода предпринимательской деятельности. Предприниматели могут и должны сами организовывать свою работу на рынок, сами определять: что, сколько, как и для кого производить и поставлять свои то-

вары, чтобы получить достаточную прибыль. Предпринимательство следует отнести к числу важнейших критериев рыночной экономической трансформации, а потому введение свободной предпринимательской деятельности следует делать одним из первых шагов при рыночном реформировании централизованной плановой экономики.

Свобода хозяйственно-предпринимательской деятельности сначала должна развернуться в полной мере в рамках своей страны, ориентируясь на свой собственный внутренний рынок. Но эти рамки не предел. Экономика страны неизбежно перерастает эти рамки, поскольку ищет все новые и новые рынки сбыта для реализации своих товаров. Поэтому она втягивается во внешне-экономические отношения, связанные с выходом со своими экспортными товарами на рынки других стран и открытием своего рынка для ввоза импортных товаров из зарубежья. Другими словами, свобода экономической деятельности предпринимателей, в принципе, не имеет границ и не должна замыкаться в пределах одной своей страны. Но все зависит от уровня экономического развития страны. Если экономика страны не очень развита, ее товары не слишком конкурентоспособны, то нет оснований для полной открытости внутреннего рынка для импортных товаров. В этом случае открытость внутреннего рынка следует расширять постепенно.

Нет сомнения в том, что в трансформируемой экономике должны быть представлены самостоятельные хозяйственные подразделения, причем как можно в большем количестве. Но это не значит, что эти подразделения должны основываться только на частной собственности. Ведь разделение труда не только раздробляет и разъединяет производство, но и объединяет его. Когда для удовлетворения небольшого объема потребностей в рамках узкого локального рынка можно обойтись предприятием малого или среднего производства, то для этих условий наиболее подходят частная собственность и частнособственническое предпринимательство. Ныне даже в самых развитых странах предприятия малого и среднего бизнеса, мелкие и мельчайшие хозяйства составляют 70–80 %, а в отдельных странах и того больше в общем

числе всех действующих предприятий. Но с течением времени на основе разделения труда появились такие производительные силы (машинная техника и технология, автоматика, телемеханика, робототехника, компьютерная технология, атомное и космическое производство), которые могут работать только при крупномасштабном производстве. А это производство уже не может быть только частнособственническим, оно идет по пути обобществления, обретая такие формы общественной собственности, как кооперативная, акционерная, корпоративная, коллективная, народная, государственная, муниципальная. Если считаться с объективным ходом развития рыночной экономики, то ее надо представлять именно как многоугладную экономику.

В то же время, исходя из разделения труда для рыночной экономики, основным и критериальным надо считать присущее ей товарно-стоимостное и денежно-финансовое выражение и оформление всех производственно-хозяйственных операций и отношений. Рыночная экономика началась с превращения продуктов в товары. При развитии товарных отношений обнаружилась стоимость, которая затем нашла свое воплощение в деньгах, деньги в своем товарно-рыночном движении переросли в капитал, а капитал, захватив производство и все сферы народного хозяйства, став промышленным капиталом, дошел до своей высшей финансовой сути, до финансового капитала, который через банки, фондовые биржи, страховые компании и другие финансовые учреждения управляет всей рыночной экономикой, обеспечивая ее непрерывный рост и прогрессивное развитие. Поэтому одним из важнейших рыночных критериев надо признать всемерное и всестороннее развитие денежно-стоимостных и денежно-финансовых отношений.

Если экономика в силу разделения труда раздроблена на части, то отношения между хозяйствующими субъектами по необходимости являются конкурентными. Конкуренция – это неотъемлемое свойство рыночной экономики. Наряду с капиталом, стремящимся к получению наибольшей прибыли, конкуренция является мощным двигателем рыночной экономики, обеспечивающим ее непрерывное движение к высокой эффективности.

Рыночная экономика невозможна и немыслима без конкуренции. Поэтому при переводе экономики на рыночные отношения необходимо обязательно создавать условия для развертывания широкой и свободной конкуренции, в частности путем неограниченно расширения сферы малого и среднего предпринимательства.

В свою очередь конкуренция порождает монополию как свою противоположность, как прямое отрицание конкуренции. Но в реальной экономической действительности они сосуществуют: конкуренция при монополии не устраняется, а лишь принимает новые, более острые формы проявления. Причем очень важно то, что не только конкуренция, но и монополия тянет рыночную экономику к высокой эффективности. Поэтому при переводе экономики на рыночные отношения критерий конкуренции не должен быть направлен на ликвидацию монополии, за которыми стоит высокоэффективное крупномасштабное производство.

Таким образом, подходя к рыночной экономике с самых общих позиций, можно выделить важнейшие критерии, характерные для этой экономики:

- формирование многоукладной экономики на основе общественного разделения труда и функционирование разных хозяйствующих субъектов, выступающих в качестве самостоятельных агентов экономической деятельности;
- свобода экономической деятельности многочисленных хозяйствующих субъектов – предпринимателей, осуществляющих свою деятельность при разных формах собственности;
- вся производственная деятельность и все хозяйственные отношения осуществляются на товарно-стоимостной и денежно-финансовой основе;
- высокая эффективность, основанная на конкуренции между хозяйствующими субъектами и функции капитала, направленной на получение наибольшей прибыли.

Реализация этих критериев может дать ход развитию полноценной рыночной экономики.

Результативность, или эффективность, является важным индикатором всякой экономической деятельности, т. к. она харак-

теризует степень использования потенциальных возможностей того или иного процесса. В этом смысле результативность остается важным показателем и в процессе переходных преобразований, хотя критерии ее оказываются существенно иными по сравнению с критериями эффективности экономической системы.

Эффективность системы выражает эффективность ее функционирования, т. е. процесс непрерывного удовлетворения в ее рамках потребностей общества. Поскольку потребности постоянно растут, то важнейший критерий эффективности экономической системы связан со степенью роста производства, с темповыми показателями. Повышение темпов роста ВВП, выпуска продукции и предоставления услуг означает рост общей эффективности системы, отдельных отраслей экономики и т. д. Снижение темпов оценивается как падение эффективности. Другой критерий эффективности, аналогичный по природе с первым, характеризует «душевое» обеспечение потребностей. Выражаясь в показателе ВВП на душу населения, он выявляет увеличение (уменьшение) удовлетворяемых потребностей с учетом изменения численности населения, служит важным показателем относительной эффективности экономики той или иной страны. Показательно, что в условиях экстенсивного роста подобную роль играли данные о производстве отдельных продуктов (угля, нефти, товаров длительного пользования; телевизоров, холодильников и т. д.) на душу населения.

Иной характер критериев эффективности в переходной экономике обусловлен тем, что переходный процесс – это процесс преимущественно развития, а не функционирования. Конечно, и в этих условиях остается необходимость удовлетворения потребностей, и поэтому сохраняется важное значение темповых показателей роста и уровня ВВП на душу населения как в абсолютном, так и в относительном аспектах. Однако поскольку речь идет о переходных преобразованиях, то очевидно, что главная задача переходного процесса не просто увеличение производимого продукта, а осуществление изменений в производственной и экономической структурах общества. Поэтому «традиционно» применяемая оценка хода преобразований в той или иной (постсоциалистической) стране через темповые и «душевые» показа-

тели, безусловно, затрагивает существенную сторону состояния ее экономики, но «уводит в сторону» от оценки эффективности собственно переходных преобразований, критерии которой вытекают не из возможностей или способностей переходной экономики удовлетворять существующие потребности, а из общего содержания переходного процесса, выражающего смену доминирующего фактора производства и изменение экономических отношений. Использование этих критериев применительно к современной кыргызской переходной экономике означало бы, прежде всего, рассмотрение хода структурных изменений в производстве в направлении приспособления его к требованиям будущего постиндустриального общества. Важным показателем таких тенденций может служить: преимущественное внимание развитию реального сектора экономики, доминирование расходов на образование, науку, здравоохранение, социальное обеспечение и т. п. Глубина и острота основного противоречия, свойственная кыргызской переходной экономике, о чем шла речь выше, в какой-то мере может объяснить, почему переходные преобразования в данном аспекте, честно говоря, идут медленно.

Оценка результативности переходных преобразований предполагает рассмотрение состояния экономических отношений. В какой степени господствующая прежде госсобственность сменилась другими, негосударственными формами собственности? В какой мере показатели количественных изменений отражают формирование реальных, эффективных собственников? Используются ли все возможности для быстрого развития малого и среднего бизнеса? Как работает рыночная инфраструктура: выполняют ли свои функции коммерческие банки, обеспечен ли кредитами реальный сектор, создан ли эффективный механизм превращения сбережений в инвестиции? Ответы на эти и многие другие аналогичные вопросы и должны стать конкретным критерием оценки хода преобразований, в частности в современной кыргызской переходной экономике.

Важность понимания и использования критериев результативности переходных преобразований состоит, прежде всего, в том, что это обеспечивает первоочередность решения главных

задач переходной экономики. В свою очередь, по возможности быстрое решение этих задач создает прочную основу для устойчивого экономического роста и повышения эффективности национальной экономики. Только такой путь позволяет получить надежную базу для неуклонного существенного повышения благосостояния народа.

Экономический спад неизбежен в любой переходной экономике в силу ее природы, характеризующейся институциональным, инвестиционным, правовым вакуумом. Проблема экономического роста – это проблема инвестиций. Инвестиционная деятельность является важнейшей функцией собственника, представляющего промышленный капитал. Переходный же период характеризуется сменой отношений собственности, которая не может быть быстрой и простой. Следовательно, уже в силу этого инвестиционный процесс разворачивается медленно и постепенно лишь по мере появления подлинного собственника, т. е. хозяйствующего субъекта, приступающего к возрождению воспроизводственного процесса. Это связано с производственным инвестированием, знаменующим переход от первоначального накопления к капиталистическому.

Однако экономическое поведение собственника в качестве инвестора неоднозначно, так как действовать ему приходится в крайне сложных условиях несовершенного законодательства, политической, экономической, социальной, психологической и прочей нестабильности, многообразных инвестиционных рисков, в условиях едва ли не всеобщей криминализации экономической деятельности. Это требует от него предельной осмотрительности, что уже само по себе сдерживает предпринимательскую инициативу, не позволяет сразу же развернуться в полной мере. Ситуация усугубляется всеобщим развалом производственных связей, разрушением прежнего механизма хозяйствования задолго до появления нового, рыночного, сложностями ориентации в принципиально новой экономической среде – уже не плановой, но еще и не вполне рыночной, адаптации к ней.

Очевидно, что исторически и логически исходной формой капитала является денежная. Но последующее превращение де-

нежного капитала в промышленный совершается в кыргызской экономике далеко не в полной мере, так как у кыргызского капитала оказалась уникальная возможность избежать превратностей переходного периода, связанных с превращением денежного капитала в промышленный путем вывоза денежного капитала за рубеж. В национальной экономике остаются лишь самые сильные, сумевшие прочно занять самые выгодные сферы экономической деятельности.

Драматической оказалась участь высокотехнологичного производства, сосредоточенного в советский период на территории Киргизии: заводы, выпускающие продукцию для военного производства – завод ЭВМ, им. Ленина и др., были закрыты, т. к. возможности их оказались весьма ограниченными в условиях высокой государственной задолженности. Именно в этом комплексе сосредоточились избыточные мощности, устранение которых сопровождалось частичным разрушением отраслей технологического лидера. В силу унаследованной технологической отсталости привлекательными для частного бизнеса явились отрасли легкой промышленности. На этих предприятиях в течение десятилетия преобладала стратегия фабрично-заводского менеджмента на выживание, нередко сменявшаяся стратегией ликвидации ввиду бесперспективности приватизированных объектов. На их базе сформировались многочисленные частные малые предприятия по пошиву одежды (нередко осуществляющие нелегальную деятельность).

Отметим и такой фактор, питающий трансформационный спад, как стремительный уход государства в качестве собственника из реального сектора экономики задолго до появления премника, вследствие чего госпредприятия в это время действительно оказались бесхозными. Да и бывшие советские директора, воспользовавшиеся реальной возможностью сформировать контрольный пакет акций приватизированного предприятия, далеко не всегда оказывались способными выполнять не только функции собственника, подменяя их нередко простым расхищением бывшего государственного имущества, но и традиционные функции менеджера в принципиально новых для них условиях.

Трансформационный спад – естественное состояние всякого переходного периода. А потому не удалось избежать его и пост-социалистическим странам. Однако ситуация в каждой из них складывалась по-разному: более благоприятно – в странах ЦВЕ, Балтии, менее – в России, хуже – в Кыргызстане и других странах СНГ. И это вполне объяснимо уже тем, что эти группы стран разное время существовали в условиях социалистического бытия со всеми вытекающими отсюда последствиями. У них в разной степени проявились разрушительные последствия дезинтеграционных процессов, т. к. в одном случае интеграция имела межстрановой, в другом – внутривосточной (СССР) характер. Были и другие обстоятельства, предопределившие глубину и продолжительность трансформационного спада в Кыргызстане: это и избранная модель реформирования, и способы, темпы, последовательность в ее реализации и особенности экономической политики, и пр.

Определяющее воздействие на трансформационный спад в кыргызской экономике оказали следующие обстоятельства:

- разрушение единого народнохозяйственного комплекса в связи с развалом СССР;
- отказ от достижений предыдущей экономической системы;
- глубокая деформация макроэкономической структуры, сложившейся за годы социализма;
- инвестиционный кризис, усугубленный обстоятельствами переходного периода;
- стремительный характер преобразований в соответствии с избранной моделью реформирования в масштабах национальной экономики, крайне обостривший последствия институционального, информационного, инвестиционно-го вакуума;
- длительность процесса формирования нового класса собственников, сферой деятельности которых является реальный сектор экономики;
- антирыночный менталитет широких слоев населения.

В совокупности все эти обстоятельства и привели к многократному сокращению ВВП, инвестиций, жизненного уровня населения. Трансформационный спад в Кыргызстане оказался

одним из наиболее разрушительных и продолжительных среди постсоциалистических стран, переживших две революции и частую смену правительства. В течение этих лет трансформационным спадом была выполнена присущая ему, как и всякому кризису, функция: были сняты противоречия предшествующего развития, материализовавшиеся в унаследованной макроэкономической структуре, наиболее наглядно проявившиеся в структурных и технологических дисбалансах. Частичным разрушением такой структуры и было расчищено экономическое пространство для формирования новой структуры уже по рыночным критериям. Если экономический рост в российской экономике начался с 1999 г., сразу же вслед за финансовым кризисом, подготовившим для него весьма значимые предпосылки, то в Кыргызстане в силу известных политических событий, двух революций – 2005 и 2010 годов, только формируются предпосылки для экономического роста.

Подводя итоги сказанному выше, отметим, что трансформационный спад порожден обстоятельствами как переходного периода, среди которых важнейшее – наличие структурных и технологических дисбалансов и технологическая отсталость гражданского комплекса, так и собственно переходным периодом, наиболее существенным аспектом которого является длительный процесс формирования нового класса собственников объектов реального сектора, чьей функцией и является его возрождение.

1.3. Этапы трансформаций и типы трансформационных экономик

Сегодня для трансформационных экономик потенциально открыт широкий спектр перспектив, но определение конечного пункта перехода требует определения основных векторов перехода.

В трансформационной экономике каждой страны пересекаются четыре основных вектора: 1) постепенное отмирание «реального социализма»; 2) генезис отношений позднего капитализма; 3) возобновление пережитков добуржуазных отношений,

порождаемых ходом истории и 4) тенденции социализации и гуманизации общественно-экономической жизни.

- Первая тенденция сохраняет постепенно отмирающее присутствие в трансформационной экономике отношений «реального социализма».
- Вторая тенденция представляет собой рождение специфических форм позднего глобального капитализма («регулируемая рыночная экономика»). Их порождают не только специфика разлагающегося прошлого, но и общемировая атмосфера глобальной гегемонии корпоративного капитала, скрывающаяся за формой рынка.

В то же время, несмотря на наличие некоторых объективных границ перед трансформационными экономиками, есть выбор будущего. Это широкий спектр моделей по шкалам «развитости» стран (типу включения в глобальную экономику), меры регулируемости и социализации экономики и демократизации общества и т. п.

- Третья тенденция – возрождение в ряде стран с трансформационной экономикой добуржуазных отношений – связана с феноменом реверсивного хода истории, что, в свою очередь, порождает полураспад «реального социализма»: частичное разрушение старой системы экономических отношений при замедленном рождении новой приводит к образованию потенциально «пустого» социального пространства.

В результате эта «пустота» заполняется тем, что меньше всего противоречит авторитарно-бюрократической системе экономико-политической власти, а именно отношениями, напоминающими позднефеодальные системы эпохи их разложения и то сочетание авторитарно-бюрократических методов регулирования социально-экономической жизни с отношениями позднего капитализма, которое свойственно для развивающихся стран.

- Наконец, четвертая тенденция, определяющая конкретные черты и закономерности трансформационной экономики, – это всемирный (в пространстве) и общецивилизационный (во времени) процесс социализации и гуманизации. Он составляет глобальный контекст трансформаций (в уз-

ком смысле слова), происходящих в постсоциалистических странах.

В самом деле, при переходе к обществу, где доминирующую роль будет играть не материальное производство, а созидание культуры (образование, воспитание, наука, искусство, спорт), где главным ресурсом становится творческий, инновационный потенциал работника, где экологические проблемы приобретают первостепенное значение, вводя не только жесткие ограничения, но и новые цели для экономического роста, степень социализации и регулируемости экономики обязана возражать.

Таким образом, трансформационная экономика может быть охарактеризована как поле противоречивого пересечения двух процессов: трансформации «реального социализма» в различные модели капитализма (скорее всего, внешне сходные с тем или иным типом, свойственным развивающимся странам) и одновременного накопления в мире элементов качественно нового социального состояния. Следовательно, можно говорить о трансформационной экономике в двух смыслах: в узком – о генезисе капитализма в процессе разложения «реального социализма»; в широком – о трансформационной экономике, составляющей всемирный исторический контекст, в странах бывшей социалистической системы.

Для трансформационных (в узком смысле) социально-экономических систем в целом оказывается характерным состояние, когда ростки перехода к новому качеству общества (прежде всего, постиндустриальные технологии, элементы социального освобождения) свертываются, замещаясь гипертрофированным развитием в этой «пустоте» социально-экономических форм. Тем самым процесс развертывания отношений глобального капитализма в странах «второго» мира в последнее время идет скорее экстенсивными, чем интенсивными, путями, в то же время возрождая многие архаические формы.

В результате за видимостью восстановления современных форм капитала в этих системах скрывается процесс постепенного развертывания деформированной капиталистической системы, основанной на соединении архаических капиталистических

(и даже добуржуазных) отношений с современными формами «позднего» капитализма.

Трансформационная экономика возникает не вдруг, она проходит некоторые этапы трансформации. Этапы эволюции трансформационной экономики могут быть выделены на основе анализа трансформации одной системы производственных отношений и институтов в иную.

1. «Подготовительный» этап, на протяжении которого происходит спонтанное («подпольное») нарастание процессов саморазложения старой системы при явных или скрытых попытках ее реформирования без изменения сущности. Он заканчивается тем, что системный кризис старой системы проявляет себя как экономический и социально-политический кризис. В СССР этот этап длился с 1985 по 1991 г.

2. Этап «входа» в трансформационную несбалансированность характеризуется активными институциональными преобразованиями, призванными привести к качественной (революционной) трансформации производственных и иных социальных отношений, разрушением старых и слабостью новых регуляторов экономической динамики и сбалансированности. Его типичные черты – дисбаланс и неустойчивость экономики при смене объективных критериев экономической эффективности (например, перехода от ориентации на натурально-вещественные критерии к ориентации на критерии финансовой сбалансированности и т. п.).

На этом этапе отсутствует сложившийся механизм самовоспроизводства производственных отношений (и «старых», и «новых») на собственной основе; главным детерминантом воспроизводства оказываются внеэкономические факторы. Соответственно в условиях, когда эти факторы адекватны объективной логике трансформации, возможен ускоренный (хотя, как правило, и диспропорциональный) рост (СССР 20-х гг., КНР и Вьетнам 80–90-х гг.), а когда неадекватны – кризис и спад (Россия 90-х гг. и большинство других стран мировой социалистической системы в начале 90-х гг.). По этой причине малообоснованным выглядит получивший широкое распространение взгляд на экономический

кризис как на неизбежную «цену» трансформации. И теоретически, и практически переход возможен без трансформационного спада, однако в рамках определенных моделей трансформации такой спад является объективным, неизбежным явлением.

При благоприятных неэкономических факторах этот этап может завершиться относительно быстрым переходом к третьему (при относительно неглубоком кризисе или выходом на дорогу «экономики для человека»); при неблагоприятных – может быть законсервирован, привести к политическим (а то и военно-политическим) катастрофам или перерасти в третий, но медленно и в условиях сохраняющегося кризиса.

3. Этап «выхода» из трансформационной несбалансированности характеризуется постепенным завершением создания институциональной базы для воспроизводства новой системы производственных отношений на собственной основе (отчасти этот процесс может быть описан как завершение приватизации, либерализации и стабилизация). Он может быть достаточно продолжительным и начинаться переходом от кризиса к росту (Польша, Венгрия, Республика Чехия, Словакия после 1993–1994 гг.; Россия, Украина после 1995–1996 гг.) или переходом трансформационного спада в затяжную депрессию (Кыргызстан, Таджикистан и другие страны СНГ, в зависимости от стартовых предпосылок и неэкономических факторов). Реальный процесс экономической трансформации, кроме того, может включать обратный переход от третьего ко второму этапу или (при маловероятном сценарии реализации модели «экономики для человека») выход на дорогу глобальных системных преобразований в направлении постиндустриального общества.

Этап завершения трансформации характеризуется становлением устойчивого воспроизводства «новой» системы производственных отношений (как правило, той или иной модели зависимого капитализма) на собственной основе при сохранении в ее недрах «пережитков» старой, значимых до такой степени, что они предопределяют наличие особых воспроизводственных закономерностей (можно предположить, например, что в начале XXI в. сложится постсоциалистический тип стран «третьего» мира со специфической моделью периферийного капитализма).

В случае реализации модели «экономики для человека» этот этап будет периодом не завершения экономических преобразований, а разветвления глобальных изменений во всех сферах общественной жизни.

Полагаем, что приведенные аргументы показывают, что дальше по-старому жить нельзя, остается привести некоторые объективные тенденции, указывающие на то, что без качественно новых решений Кыргызстан и другие страны СНГ не войдут в число стран, находящихся в числе развитых стран XXI в. Методологической базой для формирования такой стратегии может служить только историко-диалектический подход, ставящий проблемы современного глобального кризиса этих стран в контекст изменений, происходящих в развитии человечества в современную эпоху. Если признать, что одной из доминирующих тенденций современного развития человечества становится историческое нарастание процессов социализации, экологизации и гуманизации экономической и политической жизни, процессов преодоления отчуждения человека от труда и общества, то рубеж 3-го тысячелетия может быть определен как эпоха глобальных качественных изменений в истории человечества.

Для того чтобы сформулировать методологию поиска новой модели социально-экономической и геополитической стратегии народов Кыргызстана, опирающуюся на анализ общеисторических и общемировых тенденций качественной трансформации современного общества в контексте кыргызского социума и специфического национального менталитета, необходимо, прежде всего, по-новому определить субъект этой стратегии, отказавшись от определения его и как пассивного государства-«ночного сторожа». На его место встают, прежде всего, индивиды, люди, способные к самоорганизации и самоопределению как на социальной, так и на национальной основе, – народ страны с трансформационной экономикой, в частности народ Кыргызстана как межнациональное и полинациональное сообщество. По отношению к ним государство может выступать лишь как демократический межнациональный координирующий и регулирующий центр экономической и политической жизни.

Эта методология позволяет дать достаточно конкретные и, более того, «исторически проверенные» в контексте истории и нынешнего состояния тех или иных стран и народов предложения по социально-экономической стратегии.

Как именно может быть построено распределение прав собственности между гражданами, трудовыми коллективами и государством для создания условий максимально возможного на данном уровне развития материальных и культурных предпосылок преодоления отчуждения человека от средств производства, труда и его продуктов – это особый вопрос. Но это вопрос, конкретные и практически апробированные решения которого (самоуправляющиеся государственные и коллективные предприятия) имеются, например, и в России, и в дальнем зарубежье. Что же касается частной собственности, то она может и должна развиваться преимущественно на основе частного капитала, а не на приватизации общенародного имущества.

Наконец, социальная ориентация такой экономики и социальная защита граждан станут не внешней помехой для экономической эффективности, а результатом самоорганизации и самозащиты граждан (пример – профсоюзы как субъекты регулирования занятости в рамках трехсторонних соглашений). В свою очередь, гарантированно «дорогой» труд станет стимулом для того, чтобы конкуренция и иные регуляторы подталкивали производителя к внедрению достижений НТП и интенсивному развитию, а не к экономии за счет обнищания работников и технологической деградации производства, как это происходило в начале переходного периода.

Ключевым пунктом геополитики в рамках такой стратегии станет включение Кыргызстана в мировое сообщество как выгодного партнера по разработке и реализации интернациональных программ в области науки, образования, экологии. Здесь речь идет не о выборе между свободной торговлей и протекционизмом, а о качественно иной модели международных отношений (стратегических программах) и о качественно иных объектах (науке, образовании, природоохранной деятельности). Следовательно, и главными «адресатами» такой политики должны стать

международные внесударственные организации и движения, а также государственные органы и независимый бизнес развивающихся стран. Начальным пунктом этой стратегии станет вхождение Кыргызстана в Таможенный союз.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

2.1. Влияние трансформационных процессов на социально-экономическое положение Кыргызской Республики в условиях межсистемного перехода

Советская экономика Киргизии (СССР), ставшая исходным пунктом трансформации, официально трактовалась как плановая социалистическая экономика. Ее плановый характер определялся специфическим способом координации экономической деятельности посредством единого народнохозяйственного плана и централизованного распределения ресурсов, а ее социалистический характер – господством государственной собственности на средства производства и наличием широкой системы социальных гарантий: на труд, образование, здравоохранение и др.

С позиции «гуманного, демократического социализма», получившей широкое распространение в конце 80-х гг., это была экономика «деформированного социализма»: плановое хозяйство приняло форму командной экономики (командно-административной системы), общественная собственность – форму огосударственной (государственно-номенклатурной) собственности, социально-справедливое распределение – форму уравнилельной системы, притуплявшей стимулы к труду и порождавшей социальное, изживенчество. Исходя из этой позиции, задача состояла в том, чтобы «обновить социализм», очистив его от «деформаций».

С позиции либерализма советская экономика была «историческим тупиком», «зигзагом истории», нарушала «естественный, разумный порядок» и потому проиграла в экономическом соревновании развитым странам с рыночной экономикой. Отсюда возникла идея решительного слома прежней системы и радикального перехода к принципиально иной экономической системе.

Таким образом, сложившийся тип социально-экономической системы представлял собой весьма сложное образование, с той или иной степенью реагирования на общемировые процессы

развития и национальные особенности страны. Если исходить из данного подхода, то задача состояла в проведении детальной инвентаризации сложившейся системы: одни ее элементы подлежали замене, другие – модернизации, третьи – требовали изменения структурных соотношений в экономике. Все это вызывает необходимость дифференцированного отношения к различным элементам системы в процессе ее трансформации.

К особенностям осуществления трансформационных процессов в Кыргызстане можно отнести следующие:

- во-первых, они совпали с распадом СССР, разрывом хозяйственных связей, сформировавшихся в рамках единой экономической системы;
- во-вторых, происходили в условиях нерешительности государства и других институтов управления в принятии самостоятельных решений, в том числе по причине традиционно соподчиненного положения советских республиканских органов по отношению к союзным;
- в-третьих, осуществлялись в условиях глубокого политического и экономического кризиса, расстройтва потребительского рынка, товарного дефицита и т. п., в силу этого носили в заметной степени чрезвычайный характер;
- в-четвертых, во многом были спонтанными, слабо подготовленными. Вторая половина 80-х гг. прошла под лозунгом «обновления социализма»; курс на рыночную экономику был официально сформулирован лишь в самом начале 90-х гг. и реально не имел тщательно разработанной программы, это привело к кризисной ситуации в стране.

По сути, трансформационные процессы должны означать переход к такой новой экономической системе, которая отражает основные тенденции мирового социально-экономического развития, проявившиеся в XX в. и особенно на рубеже XX–XXI вв. Только в этом случае они могут квалифицироваться как прогрессивные.

Трансформационные процессы в Киргизии в начале 90-х гг. в недостаточной степени учитывали особенности страны и обще-

ства. Ориентация (особенно в первый период преобразований) на либеральные советы снижения роли государства, чисто монетарные методы экономической стабилизации при игнорировании сильной структурной политики государства, обвальная приватизация без обоснования оптимальной для Кыргызстана структуры форм собственности (в том числе государственной), фактическое игнорирование методов прогнозирования и стратегического планирования развития экономики, недооценка способов борьбы с инфляцией – это характерные проявления начала периода преобразований. Все это вызвало резкий спад производства и жизненного уровня; стихийность и неупорядоченность переходных процессов; сокращение социальной базы поддержки проводимых реформ.

Современный опыт развития постсоциалистических стран подтверждает наличие общих закономерностей переходного периода. Но в то же время, кроме общих закономерностей, есть определенные национальные специфические особенности той или иной страны, с которыми нужно считаться. В этой связи следует подчеркнуть то обстоятельство, что в странах бывшего СССР, в особенности таких, как Кыргызстан, процесс перехода отличается большей и трудностью и продолжительностью, чем, например, в странах Восточной Европы. Этому есть множество причин, которые накопились за 70 лет господства плановой экономики и образовали исходные стартовые условия, значительно определяющие процесс и результат трансформации. К таким факторам относятся:

- государственный сектор и его размеры;
- экономическая структура народного хозяйства страны;
- макроэкономическая ситуация в стране (уровни инфляции, безработицы и др.);
- наличие квалифицированных кадров, обладающих знаниями функционирования рыночной экономики.

По всем этим факторам бывшие республики СССР имели неблагоприятные позиции. Но в большей степени невыгодные стартовые условия изначально были у Кыргызстана.

Переходный период, в который вступил Кыргызстан, с начала своей независимости сопровождается очень сложными со-

циально-экономическими процессами, в том числе и кризисными явлениями в экономике, приведшими к резкому сокращению объемов производства ВВП (таблица 1).

Падение производства сопровождалось неприятными социальными последствиями: резко сократилась занятость трудоспособного населения, появилось новое социально-экономическое явление – безработица, катастрофически упали заработки и доходы населения. Безработица проявилась не только в виде уволенных с работы, но и в виде отпущенных в длительные отпуска без денежного содержания. Официально, по данным за 1995 г., численность безработных составила 50,4 тыс. чел. На самом деле, по реальным оценкам, безработица определялась в размере 200–300 тыс. чел. Уже тогда люди, потерявшие работу и заработки, вынуждены были ради выживания покидать родные места и искать работу в других странах. Численность безработных неуклонно растет, что свидетельствует о глубине трансформационного кризиса и его влиянии на социально-экономическое положение в стране. Численность безработных в 2006 г. составила 188,9 тыс. чел.; в 2011 г. – 212,3; в 2012 г. – 210,5 тыс. чел¹.

Как показали материалы обследования домашних хозяйств в 2011 г., в целом по республике *уровень безработицы* (включая занятых в личном подсобном хозяйстве) составил 8,9 %, при этом среди женщин он выше (9,9 %), чем среди мужчин (7,8 %). Проведение земельной реформы, когда практически каждая семья смогла получить в пользование земельный надел, позволило в определенной степени решить проблему занятости. Вследствие занятости населения в личном подсобном хозяйстве уровень безработицы в сельской местности стал ниже, чем в городской, и составил 7,4 и 10,7 % соответственно (таблица 3).

Отсутствие достойной работы и доходов способствовало миграционной подвижности населения.

Особенностью миграционных процессов в Кыргызской Республике является то, что в начале переходного периода, когда

¹ Кыргызстан в цифрах: стат. сб. / Нацстатком КР. Бишкек, 2012. С. 60–63.

Таблица 1 – Изменение валового внутреннего продукта в Кыргызской Республике¹

Показатель	1991	1995	2000	2005	2010	2011	2012
ВВП страны							
Всего, млн. сомов	92,6	16145,1	65357,9	100899,2	212177,4	285989,1	304350,1
Темпы роста ВВП, в % к предыдущему году	92,1	94,6	105,4	99,8	98,6	105,0	99,0
ВВП на душу населения, тыс. сомов	0,02	3,5	13,3	20,2	42,4	54,4	56,9
Структура ВВП, в % к итогу							
Всего	100	100	100	100	100	100	100
Производство товаров	69,8	59,1	63,4	48,5	43,6	41,0	40,0
Производство услуг	25,6	33,6	29,6	40,7	45,9	46,1	46,6
Чистые налоги на продукты	4,6	7,3	7,0	10,8	10,5	12,8	13,4

Таблица 2 – Уровень безработицы по полу и месту проживания, %²

Категория безработных	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Всего	8,3	8,2	8,2	8,4	8,6	8,9
Городское население	10,8	10,7	9,8	10,4	10,9	10,7
Сельское население	6,8	6,7	7,3	7,3	7,4	7,4
Мужчины	7,7	7,6	7,3	7,4	7,7	7,8
Женщины	9	9	9,4	9,8	9,9	9,9

¹ Кыргызстан в цифрах: стат. сб. / Нацстатком КР. Бишкек, 2013. С. 182.

² Занятость и безработица / Нацстатком КР. Бишкек, 2012. С. 129.

Таблица 3 – Внешняя миграция населения в КР, тыс. чел.

Показатель	2006	2007	2008	2009	2010
Число прибывших	3,4	4	3,5	3,8	3,9
Число выбывших	34,4	54,6	41,3	33,4	54,5
Миграционный прирост (+), отток (-)	-31,0	-50,6	-37,8	-29,6	-50,6

наблюдался спад в производстве, из республики, в основном, мигрировало русскоязычное население, имеющее высокий уровень образования и квалификацию. Это время характеризовалось как утечка «умов» и утечка квалифицированных кадров рабочих специальностей. В настоящее время из республики мигрирует коренное население, проживающее в селе, имеющее низкий уровень образования, часто не владеющее русским языком, что создает большие трудности для самих мигрантов, работающих в России. Для Кыргызстана проблема заключается в том, что выезжает трудоспособное население, проживающее в сельской местности. И в недалеком будущем рынок труда Кыргызстана может сам испытывать кадровый «голод», дефицит работников сельского хозяйства – в сфере животноводства, растениеводства т. д. Кроме того, в связи с интенсивным миграционным оттоком из сел полученные в собственность участки земли в результате земельной реформы остаются неиспользованными либо используются неэффективно¹.

Сегодня, по некоторым оценкам, в России, Казахстане и других зарубежных странах в качестве гастарбайтеров трудятся свыше 1 млн кыргызов, которые ежегодно присылают своим семьям и родным около 1,5 млрд долларов США. В 2012 г. миграционный отток составил 7 487 чел. По-прежнему мигрантов привлекают Россия (5099 чел.) и Казахстан (2418 чел.)².

Анализ ситуации в области современного состояния развития миграционных процессов показывает, что в 2012 г. происходила миграция населения как внутри страны, так и за ее преде-

¹ *Крыжанова Л.С.* Демографическая основа формирования и функционирования рынка труда: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Бишкек, 2012. С. 33.

² Кыргызстан в цифрах: стат. сб. / Нацстатком КР. Бишкек, 2013. С. 51.

лами. Общее число мигрантов составило 128,1 тыс. чел., из них внутренних – 69,7 тыс. чел. и внешних – 58,4 тыс. чел.

Произошедшие изменения в динамике внешней миграции населения характеризуют интенсивность миграционных процессов. В 2012 г., по сравнению с предыдущим годом, произошло значительное увеличение объема миграции со странами ближнего зарубежья – СНГ (58,0 тыс. чел.), уровень миграции со странами вне СНГ, наоборот, снизился: из числа внешних мигрантов 0,4 тыс. чел. мигрировали в страны дальнего зарубежья. Миграционный отток населения за пределы страны в 2010 г. составил -50,6 тыс. чел. (31,0 тыс. чел. – в 2006 г.), увеличился на 19,6 тыс. чел., или в 1,6 раза (таблица 3). В результате интенсивность миграционного оттока населения увеличилась с -5,5 чел. в 2009 г. до -9,3 чел. в 2010 г., или в 1,7 раза.

Среди стран СНГ по величине наибольшего прибытия кыргызстанских мигрантов на первом месте остается Россия (число прибывших по сравнению с предыдущим годом увеличилось на 18,7 тыс. чел., или 1,6 раза), далее Казахстан (увеличилось на 2,4 тыс. чел., или в 1,8 раза), затем Украина (в 1,7 раза), Беларусь (на 38 %), Узбекистан (на 24 %). Из стран дальнего зарубежья наиболее привлекательными для эмигрантов остается Германия, далее следуют США, Израиль, Турция, Канада и Польша.

В 2010 г. в Кыргызстан прибыло 3,9 тыс. чел. (в 2006 г. – 3,4 тыс.), что на 0,5 тыс. чел., или на 13 % больше, чем в 2006 г.; выбыло 54,5 тыс. чел. (в 2006 г. – 34,4 тыс.), т. е. на 20,1 тыс. чел., или в 1,5 раза больше, чем в 2009 году. Отрицательный миграционный баланс отмечался со всеми странами СНГ, исключением является Таджикистан и Туркменистан – 164 и 2 чел. соответственно.

В эмиграционных процессах в 2010 г. наиболее активно участвовали жители г. Ош, Ошской и Джалал-Абадской областей (47 % всех выбывших из страны), а также г. Бишкека и Чуйской области (37 % от общего числа всех выбывших). По сравнению с предыдущим годом значительно возросло выбытие из Джалал-Абадской области, г. Ош и Ошской области (соответственно на 4,2; 5,0 и 5,6 тыс. чел. больше, чем в 2009 г.). Из Чуйской области

и г. Бишкека по сравнению с прошлым годом число выбывших увеличилось на 1,7 и 2,9 тыс. чел. соответственно.

Значительно изменилось распределение мигрантов по национальному составу. Если в начале трансформационного периода большую часть выбывшего населения составляли русские, немцы, узбеки, украинцы, евреи и другие национальности, то в последующий период интенсивность их выбытия снизилась. В 2010 г. распределение эмигрантов по этническому признаку составило: 39 % – кыргызы; 24 – узбеки; 23 – русские; по 2 – казахи, татары и украинцы; 1 – дунгане; 7 % – другие национальности.

Удельный вес кыргызов в общем числе эмигрантов в последние годы увеличился (37 % – в 2008 г., 44 – в 2009 г. и 39 % – в 2010 г.), представителей других национальностей, по сравнению с предыдущим годом, напротив, снизился (русских – с 37 % в 2008 г. до 30 % в 2009 г. и 23 % – в 2010 г.; украинцев – с 4 % в 2008 г. до 3 % в 2009 г. и 2 % в 2010 г.).

Из выбывших в Россию эмигрантов абсолютное большинство (89 %) составили кыргызы (38 %), узбеки (26 %) и русские (25 %); в Казахстан – более половины составили кыргызы (52 %). Из числа выехавших в Узбекистан более 2/3 составили узбеки (68 %). В Германию эмигрировали русские (60 %), немцы (20 %),

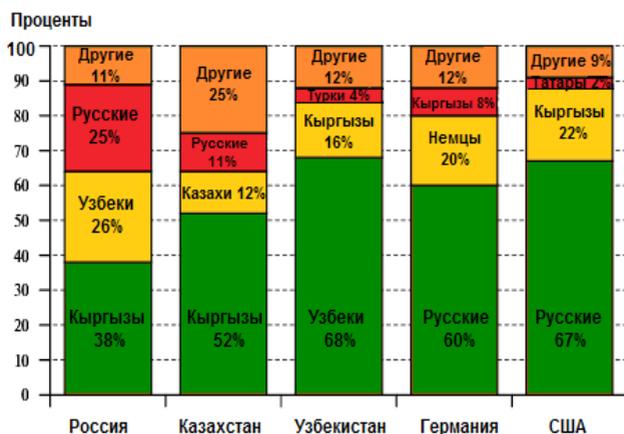

Рисунок 1 – Распределение числа эмигрантов по странам выбытия в 2011 г., в % к общему числу выбывших в эти страны

кыргызы (8 %). В США мигрируют, в основном, русские (67 %) и кыргызы (22 %)¹.

Падение жизненного уровня населения страны в результате трансформационных процессов и проводимых реформ было катастрофическим и привело к появлению состояния бедности и нищеты. Обследования, проведенные в 1996–1997 гг. Национальным статистическим комитетом Кыргызской Республики совместно с зарубежными исследовательскими организациями, выявили, что свыше половины населения страны находится в состоянии бедности, живя на доходы, которые значительно ниже прожиточного минимума. Согласно этим обследованиям пятая часть населения находилась на уровне крайней бедности, поскольку доход на одного человека не обеспечивал физического минимума потребления.

В ходе реформирования экономики в Кыргызской Республике произошло значительное понижение жизненного уровня, продолжает размываться средняя прослойка общества. Ошибочно полагали, что формирование массового среднего слоя как основы стабильности общества произойдет в результате «народной приватизации». Однако произошло не только размывание среднего социального слоя, но и падение интереса к общественно полезному труду, перемещение интересов от производственной деятельности к спекулятивной и игнорирование таких фундаментальных ценностей, как социальная защищенность, права и свободы человека.

В современном мире существует множество национальных моделей рыночной (смешанной) экономики. Выделяют, в частности, американскую либеральную модель, германскую модель социального рыночного хозяйства, японскую модель регулируемого капитализма, шведскую социальную модель, китайскую, французскую, южно-корейскую и др. Само множество этих моделей создает логическую возможность существования других национальных моделей, в том числе и кыргызской. Необходи-

¹ Демографический ежегодник Кыргызской Республики. Бишкек, 2011. С. 322–329.

мость формирования своей кыргызской модели напрашивается наличием целого комплекса специфических факторов, о которых говорилось выше.

Россия также стоит перед выбором своей национальной модели. Спор о копировании сложившихся в развитых странах моделей или об особенном пути развития пронизывает значительную часть российской истории, причем применительно не только к экономике, но и к другим сторонам общественной жизни. При выборе национальной модели необходимо учитывать, что игнорирование мирового опыта и универсальных закономерностей обрекает национальную экономику на отрыв от прогрессивных тенденций и снижение эффективности, а механическое копирование зарубежного опыта без учета реальной специфики экономики страны может привести к нежелательным результатам.

Таким образом, можно прийти к выводу, что трансформационные процессы должны обеспечить взаимосвязь национального своеобразия и универсальных процессов.

Каковы же фундаментальные особенности кыргызской модели экономики, которая должна быть сформирована в процессе трансформации?

Главная ее отличительная черта – смешанный характер. Во-первых, это соответствует логике XX в., в ходе которого свободный рыночный механизм дополнялся в развитых странах государственным регулированием, частная собственность – другими формами собственности, частнопредпринимательская инициатива – социальными гарантиями граждан, индустриальный базис и его стимулы – постиндустриальным базисом и его стимулами. Во-вторых, это продуцируется кыргызскими специфическими реалиями, что проявляется в следующих отличительных чертах национальной экономики Кыргызстана.

1. Более весомая роль государства по сравнению со «стандартными» рыночными (смешанными) экономиками. Причем она должна проявляться не только в классических косвенных методах регулирования рынка, но и в прямой форме (как собственника, как организатора реформирования экономики и ее структурной перестройки и т. п.).

2. Разнообразие форм собственности и форм хозяйствования, включая роль госсобственности в стратегически важных сферах и широкое развитие коллективных форм собственности и хозяйствования.

3. Развитие социальной ориентации экономики, включая жесткое отслеживание государством основных социальных индикаторов, недопущение резкой социальной дифференциации в обществе, повышение социальной ответственности бизнеса, возрастание роли профсоюзов и других общественных институтов социальной политики.

4. Использование социально-духовных аспектов в экономике, включая стимулы творческой деятельности граждан и коллективов, повышение их культурного и образовательного уровня, формирование здорового национального духа.

5. Поддержка постиндустриального сектора экономики во всех его проявлениях (высокие технологии, наука, образование, информатика и т. п.) при одновременной заботе об элементах развитого индустриального базиса и недопущении деиндустриализации страны.

Общий вывод состоит в том, что кыргызская экономическая модель должна представлять собой такой тип современной смешанной (рыночной) экономики, которому присущ регулируемый, социально-ориентированный, духовно-ориентированный, постиндустриально-ориентированный характер. В таком качестве она органично соединит кыргызское национальное своеобразие с прогрессивными тенденциями мирового развития.

Отмеченные выше черты кыргызской модели экономики во многом носят пока идеальный характер.

А что же представляет собой в основных чертах сложившийся за последнее десятилетие в Кыргызстане тип экономики?

Прежде всего, это переходная экономика с рыночной ориентацией. Значение последней усиливается, однако о рыночном характере экономики (тем более в современном его понимании, предполагающем сопряжение с основными тенденциями мирового развития) говорить пока преждевременно. Даже возможное в ближайший период вступление Кыргызстана в Таможенный

союз (ТС) и официальное признание за Кыргызстаном статуса «страны с рыночной экономикой» не могут отменить указанного вывода. Следует исходить не из формального, а из реального положения дел, а оно по-прежнему определяется спонтанностью и неупорядоченностью экономической структуры, неразвитостью и деформированностью рынка. Необходимо обеспечить вступление Кыргызской Республики в ТС без ограничений в области трудовой миграции и свободы перемещения. При вступлении Кыргызстана в ТС предполагается отмена любой дискриминации в отношении ее рабочей силы на основе предоставления свободного передвижения граждан государств-участников на территории единого экономического пространства. Членство в ТС предоставляет трудовым мигрантам из стран союза благоприятные условия пребывания и деятельности в плане упрощенной процедуры трудоустройства, улучшение социальных условий жизни для трудовых мигрантов и их семей, что в условиях трудоизбыточности населения в КР будет благоприятно для социально-экономического развития страны. Свободное передвижение рабочей силы будет взаимовыгодным для всех стран-членов ТС – России, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана.

В то же время необходимо создавать стимулы для трудоустройства граждан в Кыргызской Республике во избежание продолжения процессов выбывания интеллектуальных и трудовых ресурсов страны. Для этого при вступлении в Таможенный союз необходимо договориться о привлечении инвестиций из стран Единого экономического пространства, которые позволят ограничить ряд отрицательных последствий для экономики и политической стабильности Кыргызстана и их влияние на все объединение.

Прямые иностранные инвестиции в экономику страны будут способствовать созданию рабочих мест, увеличению занятости, снижению безработицы и бедности, сокращению потоков трудовых мигрантов, а также оказывать воздействие на спрос, предложение, условия труда, НТП, уровень заработной платы.

Второй блок характеристик сложившегося в Кыргызской Республике типа экономики включает в себя следующие черты:

- «квази-рынок» (характерные черты: неплатежи, высокая степень натурализации домашних хозяйств, другие формы «безденежной экономики», акцент на спекулятивные операции в ущерб товарному производству);
- асоциальный рынок (характерные черты: высокий уровень бедности, сильная социальная дифференциация и т. п.);
- неконструктивно регулируемый рынок (характерные черты: слабая роль народнохозяйственного прогнозирования и стратегического планирования, структурной политики государства, слабая защита прав собственности и, напротив, сильное влияние бюрократических, клановых, криминальных способов регулирования экономической деятельности, широкие масштабы «теневой» экономики);
- «олигархический капитализм» – явление, особенно характерное для середины 90-х гг. и состоящее в контроле значительных сегментов экономики, политики, средств массовой информации со стороны нескольких олигархических кланов, чаще всего выступающих в форме родственно-семейных групп.

Преодоление указанных деформаций рынка, повышение степени его зрелости, сопряжение с основными тенденциями социально-экономического развития современности – таковы важнейшие направления качественного изменения сложившегося в Кыргызстане типа экономики и придания реформам нового импульса.

Преобразования в переходном периоде должны быть системными, так как:

- во-первых, они означают переход от одной экономической системы к другой;
- во-вторых, они охватывают все уровни и сферы экономики.

В более широком смысле преобразования должны включать в себя все меры, приобщающие национальную экономику к основным чертам современного социально-экономического развития, в том числе к постиндустриализации, социализации, формированию смешанной экономики. В частности, важную роль должны играть меры по укреплению постиндустриального

характера экономики, а именно по сохранению и усилению роли науки, образования, улучшению содержания труда, обеспечению всестороннего развития личности и т. п.

Преобразовательные процессы, такие как переход к рынку, включают в себя следующие направления: институциональные преобразования, либерализацию экономики и макроэкономическую стабилизацию.

Этот набор элементов носит стандартный характер, однако в разных переходных экономиках могут различаться (причем существенно) степень и форма реализации элементов, их субординация.

На выбор модели преобразований в той или иной стране с переходной экономикой могут влиять разнообразные факторы. В их числе:

- острота социально-экономического и политического положения в стране;
- нахождение у власти или приход к власти тех или иных политических сил и степень их общественной поддержки;
- внешнее воздействие (экономическое, политическое, идеологическое);
- исходные внутренние экономические условия, степень подготовленности национальной экономики к рыночным преобразованиям.

Казалось бы, последний из перечисленных факторов имеет наиболее важное, фундаментальное значение. Однако, как показала практика преобразований начала 90-х гг., решающими становятся конъюнктурные, краткосрочные факторы. Так, переход Кыргызстана к рынку в форме «шока» чаще всего связывают с острейшей политической ситуацией – распадом СССР, сменой политической элиты и глубоким расстройством потребительского рынка, тотальным товарным дефицитом и т. п.

Практика преобразований не дает однозначного ответа относительно наиболее эффективной модели трансформации.

Таким образом, опыт стран с переходной экономикой показал, что на результаты преобразований влияют не только (и не столько) выбранная модель трансформации, но и (сколько) ис-

ходные экономические условия: структура национальной экономики, ее открытость к мировой экономике, развитость малых форм хозяйствования и т. п. Как правило, более успешно развиваются страны, имеющие меньшие структурные диспропорции (утяжеленность, милитаризованность экономики и т. п.), большую открытость экономики, больший удельный вес малых форм хозяйствования. Важную роль могут сыграть и факторы чрезвычайного характера (распад страны и разрыв хозяйственных связей, межнациональные и межгосударственные конфликты и т. п.), и бессистемная экономическая политика.

2.2. Объективная предопределенность экономического спада в переходный период и факторы, определяющие его продолжительность в экономике Кыргызстана

Объективная предопределенность экономического спада в Кыргызской Республике обусловлена трансформационным кризисом, который имеет как общие черты, характерные для всех стран с переходной экономикой, так и свои специфические, национальные особенности.

Преобразование бывшей централизованно управляемой плановой экономики Киргизской ССР осуществлялось путем введения новых рыночных основ экономической деятельности и проводилось руководством суверенного кыргызского государства.

В условиях межсистемного перехода для развития рыночных экономических отношений, в первую очередь, необходимо было устранить монополию государства как собственника на определенные экономические ресурсы. Для этой цели в начале переходного периода проводилось разгосударствление, демонополизация и приватизация объектов государственного хозяйства. Действительно, для перехода к рыночной экономике необходимо реформировать отношения собственности. Это была объективная необходимость. Но, как показала практика, процессы приватизации проводились с большими нарушениями. Все, что считалось народной собственностью, за короткие сроки перешло в собственность бывших государственных и партийных деятелей, чиновников и других руководящих работников предприятий

и организаций. Уже через пять лет к 1997 г. после начала реформ в частную собственность перешло 95,2 % хозяйствующих субъектов, а в государственной собственности осталось всего 4,8 %¹. В 2008 г. в частную собственность перешло 97,5 %², а на 1 января 2013 г. уже 97,8 % хозяйствующих субъектов, в государственной и муниципальной собственности осталось по 1,1 %³ (таблица 4).

Таким образом, вместо государственной монополии была установлена частнособственническая монополия на экономику страны, тогда как при проведении реформ провозглашалось, что экономика при разгосударствлении станет многоукладной, т. е. будет осуществляться при разных формах собственности и разных формах хозяйствования.

Параллельно с проведением мер по разгосударствлению, приватизации и демополизации объектов государственной собственности проводилась кампания по реорганизации предприятий, организаций, объединений и хозяйств. Вся эта кампания по реорганизации сводилась к раздроблению крупных хозяйственных подразделений на мелкие предприятия и индивидуальные хозяйства, а в итоге – к созданию акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью. В результате этих реформ в Кыргызстане произошел отход от крупного производства к мелкому и мельчайшему производству. Этот шаг привел к огромным потерям в экономической эффективности производства. При раздроблении крупных предприятий и хозяйственных объединений разрушались современные виды техники и технологии, увольнялись высокопрофессиональные и опытные рабочие и специалисты. Ликвидация совхозов и колхозов привела к тому, что вновь возникшие крестьянские и фермерские хозяйства оказались без финансовой поддержки государства, без сельхозтехники, агрономического и ветеринарного обслуживания. Отказ от крупного производства был возвратом к ранней примитивной

¹ Статистический ежегодник Кыргызской Республики. Бишкек, 1997. Ч. 2. С. 157.

² Кыргызстан в цифрах: стат. сб. / Нацстатком КР. Бишкек, 2008. С. 52.

³ Кыргызстан в цифрах: стат. сб. / Нацстатком КР. Бишкек, 2013. С. 55.

Таблица 4 – Распределение действующих хозяйствующих субъектов КР по формам собственности (на 1 января)¹

	Число хозяйствующих субъектов		В процентах к итогу		Число хозяйствующих субъектов		В процентах к итогу	
	2007	2008	2007	2008	2012	2013	2012	2013
Всего	385399	415795	100	100	505116	541263	100	100
В том числе по формам собственности:								
Государственная	2749	2984	0,7	0,7	5484	6065	1,1	1,1
Муниципальная	6714	7225	1,7	1,7	6457	5937	1,3	1,1
Частная	375897	405557	97,5	97,5	493109	529206	97,6	97,8

¹ Женщины и мужчины Кыргызской Республики. Бишкек, 2013. С. 98–99.

стадии развития рыночной экономики. Правильным решением были бы не разрушения сложившихся в советское время крупных предприятий и хозяйств, а их сохранение и перевод на рыночные хозяйственные отношения. Если бы реформаторы пошли по этому пути, то не произошло бы такого глубочайшего падения кыргызской экономики, какое совершилось на самом деле¹.

Причины трансформационного кризиса можно объединить в следующие группы:

1. Кризис связывается с неблагоприятными начальными условиями, сложившимися в СССР к концу 1980-х гг.:

- высокой степенью милитаризации и монополизации экономики;
- отраслевыми диспропорциями, большим перекосом в пользу производства средств производства;
- большой долей убыточных производств (старые технологические уклады);
- низким (по меркам нормальной рыночной экономики) уровнем цен;
- изношенностью основных фондов во многих сферах хозяйства и т. д.

Исправление существующих деформаций неизбежно ведет к падению производства, росту цен и безработицы.

2. Кризис связывается с объективной необходимостью адаптационного приспособительного переходного периода, когда плановая система уже разрушена, а рыночная в полной мере еще не действует. В это время создаются новые институты рынка и структуры, реорганизуются старые, приобретается рыночный опыт, налаживаются торговые и кредитные связи и т. д. Одновременно происходит ломка стереотипов массового сознания, сформировавшихся в плановой экономике и мешающих развитию рыночных отношений. Главное внимание обращается на необходимость создания конкурентной среды и обновления существующей промышленной базы – задачи, решить которые в короткие сроки невозможно, что также способствует экономическому спаду.

¹Экономическая теория / под ред. Н.Х. Кумсковой. Бишкек, 2010. С. 346.

3. Трансформационный кризис и его масштабы объясняются ошибками реформаторов. Существует мнение, что при более умелом ведении дел страна была бы избавлена и от инфляции, и от сокращения производства. Кроме того, правильная экономическая политика способствовала бы уменьшению социальных издержек перехода к рынку.

4. Возникновение кризиса объясняется изменением поведения хозяйственных единиц, их переориентацией с поддержания объемных показателей выпуска продукции, занятости и т. д. на получение максимально возможной прибыли. В этом случае падение производства также рассматривается как закономерность, которая порождается сменой целевой функции производителей и проявляется даже при благоприятных начальных условиях и мгновенной адаптации всех хозяйственных субъектов к новой обстановке.

Между плановым хозяйством и эффективным рыночным лежит сложный и длительный переходный период. И такие известные мероприятия правительства, как либерализация цен, приватизация, финансовая стабилизация (в каком бы темпе и в какой бы очередности они не проводились), сами по себе не способны предотвратить **закономерный экономический спад производства – трансформационный кризис.**

Экономический кризис в постсоветских странах привел к таким процессам в стране, как:

- товарная интервенция из-за рубежа в результате товарного голода;
- рост темпов инфляции национальных валют;
- замедление оборотов промышленного капитала;
- рост процентных ставок на капитал;
- всеобщий дефицит не только на потребительскую продукцию, но и на средства производства;
- преобладание на внутреннем рынке посреднической деятельности, доминирование торгового капитала.

Таким образом, главной причиной экономического спада и трансформационного кризиса стали макроэкономические нарушения, которые накопились за годы командной плановой

экономики и сдерживались ею в скрытой форме. Он связан не просто с восстановлением нарушенного равновесия в экономике, а с преодолением указанных макроэкономических деформаций, с коренной перестройкой экономической системы, получив особое название трансформационного спада переходного периода.

Анализ экономической ситуации в странах с переходной экономикой свидетельствует о существовании общих тенденций кризисного состояния. Они существенно различаются по своим параметрам, но имеют единую природу и общие причины.

Очевидно, что успешное создание экономического фундамента рыночной экономики зависит также от политических, социальных, внешнеэкономических, демографических факторов, от правильно выбранной модели государственного регулирования экономики. В то же время общественное развитие сталкивается с объективно и внезапно изменяющимися условиями жизни общества. Эти неожиданные препятствия (социальные взрывы, революции, смена политической власти, экономические и финансовые противоречия, мировые финансовые кризисы, природные и экономические катаклизмы и т. п.) для достижения равновесия требуют быстрой перестройки.

Учитывая данные объективные условия жизни общества, возросшую роль стихийности и непредсказуемости, необходимо признать, что в условиях межсистемного перехода трудно, а зачастую просто невозможно выработать универсальные подходы устойчивого развития, т. к. оно, безусловно имея общие черты, очень зависит от специфики и особенностей данной страны.

За прошедшие годы трансформационной экономики в Кыргызстане можно выделить несколько различных этапов развития:

- 1991–1995 гг. – спад производства, начало рыночных преобразований. В этот период создавались рыночные институты, проводилась приватизация, демонополизация, формировалось рыночное регулирование;
- 1996–1998 гг. – период финансовой дестабилизации. Наблюдалось ухудшение финансового положения реального сектора, падение курса сома, быстрое увеличение государственного долга, бюджетного дефицита;

- 1999–2005 гг. – период довольно устойчивого роста производства, экономики и одновременного нарастания политического кризиса, вызванного ростом нищеты и бедности, засильем бюрократии, коррупции, клановых разборок, в результате чего произошла смена власти в республике, выработались новые подходы к развитию и управлению экономикой республики;
- 2006–2010 гг. – период проявления неблагоприятных последствий для инвестирования иностранного капитала – оно значительно сократилось, были разрушены устойчивые основы инвестиционного климата, капитал стал уходить из страны. В то же время в результате проводимой налогово-бюджетной, финансовой и структурной политики в этот период инфляция составляла 5 %, сократился дефицит бюджета, снизился уровень бедности с 46 % в 2004 г. до 35 % в 2007 г. Реструктуризация внешнего долга, строгий контроль за внешними кредитами привели к некоторому сокращению внешних и внутренних долгов;
- с 2011 г. – последствия политического кризиса 2010 г., которые прослеживаются до сих пор. Республика в какой-то период оказалась во временной изоляции, финансовая нестабильность усилилась, доверие к банкам восстанавливается медленно, капитал устремляется в торгово-посредническую деятельность. Неустойчивость экономики, большие внешние долги, неравномерность регионального развития, денежно-кредитные и финансово-экономические трудности, ведущие к удорожанию кредита и инфляции, выражают нарастание макроэкономического неравновесия. В настоящее время требуется разработка системы мер по стабилизации экономики, активизации экономического роста, ускоренного достижения показателей дореформенного состояния экономики.

Таким образом, анализируя этапы трансформационной экономики, факторы экономического спада и его продолжительность в Кыргызстане, а также стартовые условия для проведения реформ, следует помнить о том, что речь идет о стране, которая

получила в наследство от плановой экономики СССР технологически отсталое, монополизированное производство с преимущественно аграрно-сырьевой специализацией. Преобладание малоэффективного сельского хозяйства и наличие множества промышленных предприятий, выпускающих неконкурентоспособную продукцию на базе устаревших технологий, слабые экономические связи между регионами республики, слаборазвитая инфраструктура – все это обусловило крайнюю экономическую и политическую зависимость Кыргызстана. К началу 90-х гг. возможности экстенсивного экономического развития республики были полностью исчерпаны и накопившиеся за десятилетия негативные явления вылились в открытый экономический кризис. Кроме того, одной из основных причин экономического спада в трансформационной экономике является отказ от достижений предыдущей экономической системы.

В исследовании воспроизводственных процессов в кыргызской экономике необходимо начать с характеристики трансформационного спада и трансформационного кризиса, характерного для экономики Кыргызстана в начале 1990-х гг., а затем перейти к анализу критериев результативности переходных преобразований, а также перспектив наметившихся тенденций роста.

Прежде чем искать сущностное объяснение этой ситуации, мы хотели бы зафиксировать некоторые следствия ситуации дефицита ликвидных ресурсов и свертывания совокупного спроса.

Во-первых, в экономике образовались значительные новые диспропорции технико-производственного характера: неполная загрузка производственных мощностей и, в частности, простои оборудования (до 50 %), неполное использование рабочей силы (двух-, трехдневная рабочая неделя, принудительные отпуска и т. п.), уменьшение доли накопления в ВВП, что повлекло за собой свертывание инвестиций, нарастающее старение основных фондов (капитала) и т. п.

Во-вторых, для трансформационной экономики Кыргызстана типичны взаимные неплатежи и долги предприятий. В результате половина промышленных и сельскохозяйственных предприятий превратилась в потенциальных банкротов.

В-третьих, следствием названных выше процессов был дефицит бюджета. Как результат этого в трансформационной экономике усиливался ряд процессов, интенсифицирующих диспропорциональный спад. В частности, сворачивались социальные программы, что резко сужало и без того падающий конечный спрос на товары народного потребления, услуги, ресурсы для культуры, науки, образования, медицины и т. д.; сокращались централизованные инвестиции, что влекло за собой и катастрофический спад в отраслях с высокими технологиями, и невозможность реализации программ структурной перестройки экономики или крайне узкие возможности их реализации, и многое другое.

Причины очевидны, и они кроются в сущностных чертах трансформационной экономики. Это огромная инфляция вместе со стихийной реструктуризацией экономики, усугубляющей ее диспропорции: спад более чем на 50 % в обрабатывающей и легкой промышленности, сельском хозяйстве, социально-культурных отраслях при относительно низком (5–10 %) сокращении производства в топливно-энергетическом секторе и гигантском росте транзакционного сектора и соответствующих издержек. Происходит это потому, что экс-монополии в условиях либерализации цен получили возможность раскрутить маховик инфляции издержек, а огромные диспропорции экономики «реального социализма» и еще большие диспропорции между издержками «у нас» и «у них» сделали наиболее выгодными сферами деловой активности спекуляцию и экспорт ресурсов.

В свою очередь, попытки «подавить» инфляцию при помощи монетаристских методов там, где господствует не свободный рынок, а корпоративно-монополистическая организация экономики и сохраняются пережитки бюрократического централизованного регулирования, вызвали своеобразный саботаж: ответом на попытки сокращения денежной массы стал рост взаимных долгов предприятий, бартера, дефицит госбюджета и т. д. Сокращение реальной массы денег в обращении привело к росту дефицита ликвидных ресурсов и «долларизации» экономики, т. е. к еще большему дефициту ликвидности для большей части отечественной промышленности и сельского хозяйства.

Итак, попытки преобразования «экономики дефицита» путем административно-бюрократического («шоковая терапия», осуществляемая бюрократическим государством при помощи волевых методов и без содержательных изменений в производстве) и качественного изменения институтов введения рынка не могли не вызвать смены формы этой несбалансированной хозяйственной системы при сохранении ее важнейших сущностных противоречий. Сменив бюрократический, формальный план на его внешнюю (зеркальную) противоположность – бюрократически вводимый рынок, мы получили и зеркальную формальную противоположность «экономике дефицита»: дефицит ликвидных ресурсов вместо дефицита товаров в условиях общей несбалансированности экономики.

А теперь рассмотрим обратную связь: от сущности трансформационной экономики к специфическим для нее проявлениям несбалансированности. Начнем с того, что господство в трансформационной экономике корпоративно-монополистического рынка вызывает к жизни такой феномен, как монопольное давление на потребителя и на немонополизированный сектор в целом. Прямым следствием этого стало, в частности, гораздо более быстрое, чем падение экономических индикаторов в среднем, сокращение реальной заработной платы (что было особенно характерно для начального периода «шоковой терапии»), усугубляющее общую тенденцию свертывания внутреннего рынка и экономического спада при углублении внутренних диспропорций.

Накладываясь на сохраняющиеся макроэкономические диспропорции и усугубляя их, монопольно-корпоративная организация рынка привела к упадку обрабатывающей промышленности (в особенности производства инвестиционных товаров).

Казалось бы, этому должен был противостоять процесс монопольного подчинения рынка крупнейшими промышленными предприятиями, которые вследствие своего привилегированного положения могли бы предотвратить свой кризис. Однако большая часть отечественной индустрии была приспособлена (в том числе технологически) исключительно к работе на государственный рынок (заводы союзного значения: завод им. Ленина, завод

ЭВМ и др.), но эти возможности оказались заблокированы резким сокращением бюджета, что, в свою очередь, явилось следствием политики приватизации и формальных монетаристских экспериментов, призванных перевести за считанные месяцы огосударствленную высокомонополизированную экономику на рельсы частной собственности и свободного рынка.

В результате в экономике выжил преимущественно сырьевой сектор, где сложились формальные и неформальные корпоративные монополистические объединения. Немонополизированные же сектора (в частности, потребительских товаров) и большая часть индустрии оказались в состоянии кризиса, поскольку ликвидные ресурсы для них были заблокированы, с одной стороны, слабостью госбюджета, с другой (и это особенно важно) – объективной невозможностью прорваться на корпоративно организованный и бюрократически регулируемый в интересах отдельных «кланов» рынок финансов.

Резкий спад в индустрии одновременно с дефицитом ликвидных ресурсов в результате не мог не привести к *кризису в инвестиционной сфере*. Страна оказалась на дне инвестиционной ямы.

Наконец, уже зафиксированным следствием названной сущности рынка в трансформационной экономике стала *инфляция*, временами приближавшаяся по своим темпам к гиперинфляции. Вместе со спадом она привела к господству стагфляционной модели экономической жизни, к постепенному сползанию кыргызской экономики на дно ямы, где нас подстерегала так называемая *стагфляционная ловушка*.

Бесспорно, что переход к рыночной экономике требует установления свободного ценообразования. Заранее было ясно, что переход от централизованной системы к свободной будет сложным и болезненным для экономики. Нужно было осуществлять этот процесс постепенно. Однако в реальности почти сразу была введена либерализация цен, в результате произошла настоящая анархия. Цены резко взметнулись вверх и очень быстро достигли такого уровня, который свидетельствовал о размахе самой настоящей гиперинфляции. Индекс потребительских цен, выражающий уровень инфляции, составил: в 1991 г. – 279 %, 1992 –

1358,7, в 1993 г. – 1466,0 %. Инфляция обесценила советские рубли, вследствие чего предприятия потеряли оборотные средства, население лишилось денежных вкладов и сбережений, деньги утратили свое значение не только как средство накопления, но и как средство платежа. Было принято решение в мае 1993 г. провести денежную реформу, и в оборот была введена национальная валюта – сом.

Известно, что для преодоления спада в экономике нужны свободные инвестиционные ресурсы. В условиях огромного дефицита ликвидности эти ресурсы могут появиться только за счет инфляции (в том числе кредитной). Однако инфляция спроса в условиях монополизированного рынка тут же спровоцирует новый виток инфляции издержек, а бюрократический характер государства не позволит удержать первоначально сложившуюся инфляцию в заданных рамках. В результате темпы инфляции окажутся гораздо выше запланированных, что, в свою очередь, приведет к резкому обесценению инвестиционных ресурсов и подорвет потенциал роста, создаваемый инфляционным финансированием. Одновременно инфляция приведет к сокращению реальных доходов бюджета и росту его дефицита, провоцирующему эмиссию, а значит, дальнейшую раскрутку спирали инфляции.

Не менее опасен и обратный «замкнутый круг»: попытки бороться с инфляцией за счет резкого сокращения государственного финансирования, отказа от «списания» взаимных долгов предприятий и широкомасштабного перехода к практике массовых банкротств неизбежно вызовут резкое сокращение производства, и это, в свою очередь, приведет к сокращению объема внутреннего рынка (причем в размерах, гораздо больших, чем производственный спад, вследствие диспропорциональности и монополистической организации рынка, ибо монополии на ограничение спроса реагируют не снижением цен, а еще большим сокращением производства) и нарастанию дисбаланса между массой товаров и денег. В том же направлении «работало» и сокращение (вследствие падения производства) доходов бюджета, провоцирующее рост его дефицита и инфляции спроса для поддержания расходной части бюджета.

И в том, и в другом случае спад провоцирует рост инфляции. Попытки же предотвратить новый виток инфляции за счет сокращения денежной массы и расходов из бюджета вызовут лишь новый производственный спад, безработицу, падение реальных доходов и социальных выплат из бюджета.

Такой вывод является подтверждением правомерности нашего анализа, выделившего фундаментальные причины экономики дефицита (бюрократическое, формальное введение рынка и приватизация в условиях корпоративно-монополистической и диспропорциональной экономики, «экономики дефицита») и показавшего, как эти причины вызывают эмпирически очевидные следствия (диспропорциональный спад).

2.3. Рыночная трансформация как процесс первоначального накопления капитала: общие закономерности и национальные особенности их реализации

Настоящий параграф призван подытожить проведенный выше анализ социально-экономических отношений нашего общества, замкнув круг взаимосвязей между моделью преобразования отношений собственности в Кыргызстане («номенклатурная приватизация»), в которых результируется вся система производственных отношений трансформационной экономики, и моделью воспроизводства.

Достаточно логичным в данном случае представляется прослеживание двух типов взаимозависимости: кризис как предпосылка для создания максимально выгодных условий осуществления «номенклатурной приватизации» и обратная связь – реализованная в Кыргызстане модель приватизации как акселератор социально-экономического кризиса.

Исходным пунктом для обоснования первой взаимозависимости может стать фиксация тех технико-производственных диспропорций, которые сложились в отечественной экономике еще в условиях «реального социализма» и были усугублены спадом экономики, а также развалом экономического пространства бывшего СССР. То, что в этих условиях *максимально выгодной сфе-*

рой вложения капитала стала посредническая деятельность, обосновать достаточно просто. По мере исчерпания наиболее поверхностных ресурсов для такого рода трансакций (прежде всего, в области спекуляции ширпотребом) и образования крупных корпораций, все более монополизирующих финансовые спекуляции, постепенно наиболее выгодной сферой для таких операций стали сделки с недвижимостью и бывшей государственной собственностью, цены на которую отличались и отличаются удивительной диспропорциональностью, отражающей общие диспропорции в экономике.

Итак, диспропорциональная кризисная экономика делает крайне выгодной сферу финансов, операций с недвижимостью и бывшей государственной собственностью, т. е. именно ту модель преобразования отношений собственности, где полустихийно-полукриминально осуществлялось перераспределение ваучеров и акций бывших госпредприятий. Возможность создания только открытых акционерных обществ на базе бывших госпредприятий и фактическая невозможность для трудовых коллективов проконтролировать движение акций и собственности, концентрация основного «пучка» прав собственности в руках бюрократических институтов (госкомитетов по имуществу) и идея ускоренного осуществления приватизации без какого-либо серьезного ее обоснования для конкретных объектов – все это является именно той моделью изменения прав собственности, которая адекватна задаче развития спекуляции имуществом. Чем глубже кризис и диспропорции, тем выгоднее спекуляция собственностью, тем выгоднее была данная модель приватизации (естественно, только для тех, кто ее осуществляет).

Еще более усилили эту связь процессы либерализации цен и инфляции. Последний процесс, развиваясь в обстановке диспропорционального спада, шел, естественно, неравномерно. В то же время бывшая госсобственность (а это, прежде всего, промышленные здания и оборудование) обесценивалась фантастическими темпами.

Либерализация цен, спровоцировавшая эту неравномерную инфляцию, и общая обстановка кризиса привели, следовательно,

к тому, что бизнесмены, осуществлявшие на протяжении этих лет преимущественно транзакционные сделки (занимавшиеся спекуляцией) и накопившие за это время свободные капиталы, получили через 2–3 года идеальные возможности для скупки госсобственности. Последняя обесценилась, создавшие ее работники за два года депрессии и спада уровня жизни окончательно лишились накоплений, а новая буржуазия, пройдя через период ускоренной аккумуляции и концентрации капитала, сосредоточила в своих руках достаточные ликвидные ресурсы.

Еще одним шагом, превращающим госпредприятия в идеальный объект для приватизации, стали меры, вызывающие не только инфляцию, но и общий *экономический спад, деиндустриализацию и, как следствие, резкое снижение эффективности* производственной деятельности. *«Стагфляционная ловушка» оказалась на удивление выгодна с точки зрения создания идеальных условий для экспроприации или скупки по дешевке бывших госпредприятий.* Этому процессу немало способствовала и кредитно-финансовая политика, приводившая к росту взаимных долгов предприятий и снижению их кредитоспособности.

В результате бывшие госпредприятия (особенно в сфере индустрии) оказались минимально рентабельной, а точнее, почти повсеместно убыточной частью экономики. Вкладывать средства в эту сферу не стал никто, кроме лиц, намеревавшихся в перспективе получить контроль над ядром отечественной экономики и имеющих для этого достаточные средства. Все это немало способствовало нарастанию контроля над разоряющейся индустрией со стороны выросшего и вступившего в стадию концентрации частного капитала, а также той части номенклатуры, кто вовремя успел совершить обмен своей прежней политической власти на ликвидные ресурсы, капитал.

В результате эти три слагаемых экономического кризиса обеспечивали максимально выгодные условия для осуществления «номенклатурной приватизации».

Не менее впечатляюща и связь институционального кризиса с выбранной в Кыргызстане моделью приватизации. Сопровождающая (а отчасти и порождающая) нынешний экономический

кризис диффузия институтов и правовой базы хозяйственной жизни оказывается самым непосредственным образом взаимосвязана как с перечисленными выше слагаемыми кризиса экономики, так и с решением задачи создания максимально благоприятных условий для осуществления «номенклатурной приватизации». Постоянная смена «правил» приватизации, лихорадка в легитимной и нормативной базе ее осуществления, слабость и коррумпированность структур, ответственных за ее проведение, наконец, крайне низкий уровень специфицированности прав собственности – все это создало почти идеальную атмосферу для расхищения госсобственности. Сопровождающее и усугубляющее процесс обесценения и экспроприации бывшего государственного имущества расхищение госсобственности является одной из причин взаимосвязи глобального кризиса и «номенклатурной приватизации» в отечественной экономике.

Необходимо учесть еще один аспект этой проблемы – социально-политический. Дело в том, что развернувшийся в трансформационной экономике глобальный социально-экономический кризис привел, помимо прочего, к массовому обнищанию населения (последнее следует понимать не столько как всеобщую нищету, хотя более 50 % населения Кыргызстана находилось за чертой бедности, сколько как утерю способности социальных групп и классов к самоорганизации, выражению и защите своих интересов).

Такой тип социального развития создал идеальные условия для проведения именно той модели приватизации, о которой шла речь выше: экспроприации, расхищения и/или скупки обесцененной госсобственности. В свою очередь, процессы социальной дифференциации и люмпенизации общества создали предпосылки для тяги обывателя к авторитарной модели политической власти. В том же направлении действовал и другой фактор, порожденный кризисом, – концентрация и монополизация номенклатурно-корпоративного капитала. Сочетаясь, они постепенно формировали на протяжении 90-х гг. необходимые и достаточные предпосылки для торжества авторитарной системы.

Эта система была несколько преждевременна для периода скупки и экспроприации собственности, но для процесса закре-

пленения достигнутых таким капиталом результатов авторитарная власть может стать наиболее подходящей политической формой. Последнее тем более объяснимо, что авторитарная система прекрасно может парализовать сопротивление тех, у кого экспроприировали созданное их трудом на протяжении многих десятилетий богатство.

Таким образом, и с социально-политической точки зрения кризис, создающий предпосылки для введения «по просьбе трудящихся» авторитарного режима, весьма благоприятен для закрепления экономического господства приватизаторов.

Существует и обратная связь во взаимодействии процессов приватизации и диспропорционального спада как двух сторон процесса воспроизводства в трансформационной экономике, а именно: модель «номенклатурной приватизации» создала систему отношений собственности, усилившую экономический и социально-политический кризис в стране.

Многие положения, необходимые для доказательства этого тезиса, уже были сформулированы выше при анализе изменения отношений собственности. Поэтому в данном случае мы хотели бы ограничиться акцентом на воспроизводственных взаимосвязях, начав с собственно экономических проблем.

Во-первых, реализуемая в настоящее время модель приватизации приводит к концентрации большей части прав собственности в руках той социально-экономической силы (номенклатурно-корпоративного и спекулятивного капитала), которая была прямо заинтересована в деиндустриализации отечественной экономики и укреплении преимущественно ТЭК, сырьевого и транзакционного секторов. Примеров именно такого развития процессов приватизации великое множество: бывшие промышленные предприятия, превращаясь в открытые акционерные общества и оказываясь в руках «приватизаторов», зачастую сворачивали производственную деятельность.

Тем самым осуществление модели «номенклатурной приватизации» способствовало нарастанию и без того глубоких диспропорций в экономике, ухудшая ее перекошенную еще в «застойный» период структуру.

В этом же направлении шло и воздействие приватизации на инвестиционные процессы. Широко пропагандировавшийся тезис о приватизации как источнике новых капиталов и прогресса экономики оказался блефом. Показанные выше механизмы обесценения и расхищения госсобственности привели к тому, что расходы на проведение приватизации (и, прежде всего, содержание аппарата «приватизаторов») едва ли не превысили доходы от ее осуществления. Кроме того, и это гораздо более важный аспект, приватизируемые предприятия оказались мало склонны к новым инвестициям.

Здесь срабатывает общая закономерность: приватизация, проведенная в интересах лиц, не намеревающихся развивать производство, и приведшая к окончательному отчуждению от собственности тех, кто в нем, напротив, заинтересован (прежде всего, от трудовых коллективов), создает стимулы для усиления диспропорционального спада. Последний же, в свою очередь, создал стимулы для дальнейшего развертывания «номенклатурной приватизации».

Во-вторых, выбранная в Кыргызстане модель приватизации способствовала не свертыванию, а развитию процессов монополизации экономики. Поскольку этот тезис не выглядит очевидным, постараемся его кратко аргументировать. На первый взгляд, приватизация есть единственный способ преодоления всеобщего огосударствления экономики. Однако более тщательный анализ показывает, что избавиться от монопольной концентрации прав собственности в руках бюрократического госаппарата можно и за счет развития коллективных предприятий, кооперативов, самоуправления на госпредприятиях, находящихся в хозяйственном ведении трудового коллектива, и т. п., а не только путем всеобщего введения частной собственности.

Гораздо более важен, однако, следующий аргумент: в конкретных условиях отечественной экономики с ее технологическим монополизмом и господством «начального капитализма», как основной модели развития производственных отношений, отказ от государственного контроля над гигантскими производственными комплексами не снимает, а укрепляет монополизм.

Оставаясь вне централизованных ограничений (в том числе ценовых), предприятия-монополисты в условиях формально «свободного» рынка оказываются в положении супермонополий. Более того, как показал опыт, эти корпорации еще далее разворачивают процессы концентрации и централизации капиталов, создавая координирующие их деятельность холдинги, концерны, ФПП и т. п. Выйдя из-под контроля государства, эти структуры в обратном порядке подчиняют его себе, создавая мощные лобби в высших структурах власти и игнорируя потуги антимонопольного регулирования.

Достаточно понятно, что такого рода структуры вполне способны манипулировать ценами, объемом и структурой производства, реагируя на свертывание спроса еще большим сокращением производства и повышением цен вопреки «правилам поведения» «нормальных» агентов рынка. Все это, естественно, способствует раскручиванию спирали инфляции издержек и интенсифицирует процессы стагфляции. Именно по этому пути и развивалась российская экономика в период наиболее активных попыток проводить «шоковую терапию» и приватизацию.

В-третьих, избранная в Кыргызстане модель приватизации, отчуждая подавляющее большинство работников от собственности, тем самым ликвидировала в зародыше хозяйскую мотивацию трудовой деятельности большинства работников бывших госпредприятий. Еще меньше такая приватизация способна пробудить коллективный предпринимательский потенциал. Потенциал же предпринимательства «приватизаторов», как мы постарались показать, не был направлен в сторону производства.

Тем самым «номенклатурная приватизация» оказалась прямым тормозом на пути задействия современных стимулов труда (участие в собственности и управлении) и производственной предпринимательской активности. И то, и другое не могло не усиливать процессы снижения производительности труда, экономической эффективности и сбалансированности экономики.

В институциональной сфере «номенклатурная приватизация», вызвавшая крайнюю неопределенность распределения прав собственности и разрыв формального и реального права, не

могла не усиливать диффузию институтов в экономике в целом. Неспецифицированность же прав собственности, как известно, ведет к резкому увеличению транзакционных издержек и нарастанию экономической дезорганизации.

Следует подчеркнуть, что отмеченные выше в качестве атрибутов «номенклатурной приватизации» феномены крайне нестабильного распределения прав собственности являются не столько злой волей «приватизаторов», сколько объективным следствием выбранной модели преобразования отношений собственности. В самом деле, эта модель, предполагавшая (в силу ее внутренней специфики, а именно нацеленности на реализацию «социального заказа» номенклатурно-корпоративного и спекулятивного капитала) отчуждение подавляющего большинства членов общества от процессов преобразования собственности и концентрацию управления этими процессами в руках бюрократии, не могла реализовываться иначе, чем бюрократически, вне общественного контроля, в условиях коррупции и плохой организации.

Наконец, отчуждение от собственности на средства производства и результаты труда большинства граждан нашей страны, своим трудом создавших это общенациональное (и в прошлом бюрократически огосударственное) богатство, не может не привести к росту социальной напряженности. Последняя же в условиях концентрации основных прав собственности в руках узкого слоя элиты может вызвать как активизацию экономической и политической борьбы большинства членов общества и углубление политической нестабильности, так и авторитарный тип политической власти. Последствия такого состояния экономики вылились в Кыргызстане в две революции и смену политической власти в 2005 и 2010 гг.

В заключение следует подчеркнуть, что процесс воспроизводства в любой из конкретных стран с трансформационной экономикой никогда однозначно не совпадал и не совпадет с описанной выше моделью. Причины этого заключаются не только в национально-исторических особенностях (а их роль для трансформационных, неустойчивых экономических систем существенно выше, чем в стабильном обществе), но и в наличии в условиях современного трансформационного процесса практи-

чески в любом регионе тенденций, альтернативных «номенклатурному капитализму». И ростки социализма, существовавшие в нашем прошлом, и общецивилизационные тенденции социализации и гуманизации экономической жизни порождают процессы, отрицающие описанные выше закономерности.

Из пересечения воспроизводственных закономерностей растущего «номенклатурного капитализма», с одной стороны, общецивилизационных тенденций рождения «экономики для человека» – с другой, национальных, культурно-исторических и т. п. особенностей каждой из стран – с третьей, из этого «перекрестья» и многих других, более частных факторов и рождается реальный воспроизводственный процесс в той или иной конкретной трансформационной экономике.

Рыночная трансформация постсоциалистической экономики в содержательном плане означает переход не только от плана к рынку, но и от социализма к капитализму. Преобразование системы экономических отношений и является основой преобразования механизма хозяйствования, способа формирования макроэкономической структуры общества. Уникальность перехода связана с исходным пунктом движения: до сих пор в соответствии с выявленными историей развития стран Запада общими экономическими закономерностями движение к капитализму осуществлялось непосредственно от феодализма. Тогда же происходила одновременно и смена типов хозяйствования: от натурального к рыночному, от прямого продуктообмена к рыночному. Товарно-денежные рыночные отношения становились всеобщими.

Аналогичный процесс на рубеже XIX–XX вв. протекал и в царской России. Однако в силу специфических обстоятельств российской истории он был прерван социалистической революцией. В результате наступила пауза длиной в три четверти века, заполненная социализмом. И все же миновать капитализм стране не удалось: Россия вновь вступила на тот же путь, хотя уже при иных исходных предпосылках, при иной исторической ситуации, что сделало его еще более сложным.

Процесс становления капитализма вошел в мировую экономическую науку как процесс первоначального накопления капи-

тала (ПНК). Такое определение ему впервые в науке было дано А. Смитом. В последующий период эпоха ПНК была подвергнута наиболее всестороннему анализу К. Марксом, рассматривавшим ее как «предысторию капитализма»¹. На основе обобщения западноевропейской истории ПНК К. Маркс выявил содержание этого процесса, охарактеризовал методы и способы его осуществления, обосновал роль насилия в процессе становления нового общественного строя, вскрыл характер экономического развития, равно как и роль государства в эпоху ПНК².

Экономическое наследие К. Маркса не утратило своей актуальности для новейшей истории постсоциалистических стран, и России прежде всего, для которой 90-е гг. оказались классической эпохой ПНК, обогащенной российской практикой становления капитализма. Порожденные ею особенности ПНК обусловлены, прежде всего, двумя обстоятельствами: социализмом – как историческим предшественником капитализма в стране, а также фактором времени – на двести лет позже развитых ныне стран. Существенное значение имеют и национальные особенности, которые, однако, не отменяют свойственные данному процессу закономерности, но весьма затушевывают последние, вследствие чего эти закономерности становятся неузнаваемыми. И тогда получают широкое распространение суждения об особом пути экономического развития, свойственном исключительно данной стране. Остановимся в первую очередь на закономерностях.

В содержательном плане становление капитализма как социально-экономической системы есть становление присущих только ему отношений собственности, осуществляемое в постсоциалистических странах путем преобразования отношений государственной и кооперативно-колхозной (по существу лишь разновидности государственной) форм собственности. Накопленное в предшествующий период общественное богатство тем или иным способом переходит в собственность частных лиц с одно-

¹ *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 1. Гл. 24. С. 76.

² Там же. С. 23.

временным отчуждением от него широких слоев населения, коль скоро государственная собственность выступала при социализме лишь юридической оболочкой общенародной, наделявшей каждого члена общества социальным статусом собственника средств производства. В процессе разгосударствления экономики и приватизации формируется класс частных собственников бывшего государственного имущества как объекта присвоения и класс лиц наемного труда, т. е. одновременно коренным образом преобразуется и социальная структура общества. «Экспроприатор» 1917 г., в роли которого на исходе XX в. выступал российский народ, в результате сам оказался в положении «экспроприруемого»: созданные им за годы Советской власти объекты собственности переходят в руки наиболее предприимчивых его представителей, способных выполнять столь непростые функции собственника объектов реального сектора.

Способы и методы присвоения ранее накопленного общественного богатства весьма многообразны. Среди них можно выделить исторически специфические, присущие лишь отдельным странам, порожденные исторически преходящими обстоятельствами. Среди последних назовем такие, как морской разбой, ограбление колоний и работорговля на заре становления капитализма в странах Запада, или спонтанная приватизация в России 1987–1991 гг. Наряду с «экзотикой» есть и весьма традиционные, присущие большинству стран в эпоху ПНК, как-то: расхищение государственных займов, присвоение чужого имущества путем мошенничества, вымогательства, шантажа, использования крайних форм насилия.

К. Маркс не без основания иронизировал по поводу тезиса А. Смита о том, что якобы «право» и «труд» лежат в основе первичного капиталообразования¹. Что касается «права», то законодательная деятельность государства в эту эпоху направлена, прежде всего, не на защиту существующих отношений собственности, а на создание юридических предпосылок для начала коренных преобразований этих отношений, например, таких как

¹ *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 1. Гл. 24. С. 726.

снятие запрета с частнопредпринимательской деятельности, допущение новых форм хозяйствования (подряд, аренда, кооперативы и прочее), законодательство о приватизации госсобственности и т. д. И в этом смысле А. Смит прав. Однако при этом упраздняется прежнее законодательство, регулировавшее экономические отношения, а новое только еще формируется по мере становления новой системы экономических отношений. В силу этого образуется так называемый «правовой вакуум». Как известно, первичными являются экономические отношения, право придает лишь юридическую силу вновь формирующимся отношениям собственности.

Этот период характеризуется широким и повсеместным использованием государственных институтов в целях личного обогащения самих чиновников, злоупотребляющих своими должностными полномочиями. Коррупция приобретает массовый и устойчивый характер. И чем крупнее взятки, тем в большей мере они окупаются. В особенности это касается постсоциалистических стран, где чиновники оказались в нетипичной для этой эпохи роли «раздатчиков» и «продавцов» государственного имущества. Ситуация уникальна в мировой практике ПНК, она позволила кыргызским чиновникам широко использовать свое служебное положение не только для личного обогащения, но и для накопления денежного капитала, столь необходимого для участия в денежной приватизации, равно как и в постприватизационном переделе объектов присвоения.

Накопление капитала в этот период не может быть объяснено и такими личностными качествами потенциальных собственников, как, например, трудолюбие, бережливость и т. п., хотя и они значимы. Более важными оказываются такие, как предприимчивость, изобретательность, энергия, умение ориентироваться в экстремальной ситуации и принимать адекватные ей решения. В бескомпромиссной борьбе за обретение нового социального статуса собственника объектов бывшей госсобственности типичным явлением становится несоблюдение норм нравственности. Всеобщее распространение получают методы насилия в его самых крайних формах. Более того, насилие в переходную эпоху

играет роль своеобразного катализатора исторического процесса, ускоряя становление новой экономической системы. Отмечая эту особенность переходной экономики, Л. фон Мизес писал: «Личность – ее жизнь и здоровье – становится объектом атаки постольку, поскольку она препятствует приобретению собственности»¹. Поэтому роль права весьма специфична в переходный период, оно, прежде всего, создает юридические предпосылки для преобразования отношений собственности. Защита прав новых собственников формируется по мере возникновения последних.

Выявляя закономерности эпохи ПНК, К. Маркс отмечал, что, как показала история, впервые на исторической сцене капитал появляется в денежной форме. По мере накопления денежного капитала происходит его последующее превращение в промышленный, когда капитал овладевает реальным сектором экономики как ведущим, основополагающим на любом этапе развития общества. Завершение этого процесса знаменуется тем, что капиталистические отношения приобретают характер всеобщих, господствующих. Последнее обстоятельство и выступает критерием завершенности переходного периода. Первоначальное, т. е. невоспроизводственное, накопление капитала, осуществляемое путем раздела и передела ранее созданного общественного богатства, уже существующих объектов собственности, сменяется воспроизводственным, осуществляемым путем капитализации части вновь созданной стоимости.

Наиболее наглядно, хотя и специфично, эта закономерность проявилась и в кыргызской переходной экономике. Отсутствие денежного капитала, накопить который в предшествующий период было попросту невозможно (по крайней мере, законным путем), явилось одной из важных причин, породивших ваучерную, т. е. бесплатную, приватизацию части объектов госсобственности. Однако она оказалась достаточной для того, чтобы придать необратимый характер рыночным преобразованиям. Вместе с тем была решена и проблема социальной справедливости как

¹ Людвиг фон Мизес. Социализм. Экономический и социологический анализ. М., 1994. С. 416, 434.

дань сложившемуся за годы социализма менталитету. Тем самым были созданы равные стартовые условия вхождения в рынок для всех членов общества. Вполне естественно, уже в силу природного неравенства, что лишь немногие оказались способными превратиться в подлинных собственников средств производства. Последние становились таковыми уже самостоятельно в ходе ожесточенной и бескомпромиссной конкурентной борьбы за объекты госсобственности.

Но на этапе денежной приватизации без денежного капитала делать было нечего. Все 90-е гг. в новейшей кыргызской истории оказались годами его стремительного накопления. Способы и методы были весьма многообразными. Среди них такие традиционные, как развертывание торгово-посреднической и финансово-спекулятивной деятельности. В стране массового хронического дефицита чрезвычайно прибыльной оказалась торгово-посредническая деятельность, во многом способствовавшая образованию банковского капитала. Не менее прибыльной явилась и финансово-спекулятивная, главным образом банковская, деятельность. В совокупности они позволили в исторически кратчайшие сроки аккумулировать денежный капитал в масштабах, достаточных для участия в денежной приватизации, в ходе которой объекты государственного имущества продавались к тому же по весьма заниженным относительно рыночных ценам. Но рыночных быть не могло в нерыночной экономике, а их заимствование на Западе имело бы смысл лишь при допущении иностранного капитала к кыргызской приватизации, что не предусматривалось законодательством. Устанавливая, по сути, символические цены на подлежащие приватизации объекты госсобственности, чиновники заведомо исходили из ограниченных возможностей участников денежных аукционов и конкурсов, хотя были и другие мотивы, корыстные – прежде всего тогда, когда на продажу выставлялись наиболее экономически привлекательные объекты. Собственниками объектов становились те из претендентов, кто одерживал победу в борьбе за влияние на политическую власть.

Особым способом формирования промышленного капитала в условиях острейшего денежного дефицита в постсоциалистиче-

ских странах явилась так называемая спонтанная приватизация, когда основные производственные фонды прямо и непосредственно превращались в промышленный капитал, минуя предварительную и столь затяжную стадию накопления денежного капитала. Это осуществлялось путем, например, структурных преобразований бывших отраслевых министерств и ведомств, позволивших бывшим крупным министерским чиновникам превратиться в крупных же акционеров – собственников государственного имущества. Однако это все же исключение из правила, лишь одна из особенностей ПНК в постсоциалистических странах, равно как и бесплатная приватизация части государственного имущества. Решающее значение имела все же денежная приватизация, под которую в 90-е гг. и был стремительно накоплен денежный капитал.

Мероприятия в отношении преобразования форм собственности и крупного производства, которые стали проводиться в экономике Кыргызстана, должны были в кратчайшие сроки привести страну к рыночным отношениям, но вместо современной рыночной экономики, основанной на господстве крупного высокоэффективного производства, стало развиваться примитивное, раздробленное, мелкое производство, основанное на единоличной, семейной и мелкогрупповой частной собственности. Кыргызстан возвратился к тому этапу, который страны Запада прошли еще в XVII–XVIII вв. Республика вынуждена была вернуться к «дикому капитализму», к эпохе первоначального накопления капитала, когда большие состояния и капиталы сколачивались за короткий срок путем обмана, мошенничества, использования служебного положения и другими нечестными методами за счет проведения приватизации государственной собственности, прозванной в народе «прихватизацией».

Допотопный, «дикий капитализм» ознаменовался еще и тем, что отечественное производство было в застое, а вся основная экономика в стране сосредоточилась на отношениях в сфере обращения, причем в основном это держалось на купле-продаже завозимых в республику импортных товаров. Новоявленные кооператоры и бизнесмены основательно нажились на покупке за границей и реализации в республике бензина и других нефте-

продуктов, винно-водочных и табачных изделий, всевозможных напитков, продуктов питания, одежды, обуви, строительных материалов и других товаров. Важным источником обогащения для отдельных людей стала банковско-кредитная сфера. В период инфляции краткосрочные кредиты выдавались банками, ломбардами и другими кредитно-финансовыми учреждениями под огромные проценты, достигавшие 380 % годовых. И хотя ныне проценты по кредитам коммерческих банков снизились до 40–60 %, они все еще остаются очень высокими и позволяют банкирам получать большие прибыли.

Ошибочным было решение отстранить государство от заботы о предприятиях, от поддержки их хозяйственной деятельности. Исходили из шаблона: если рыночная экономика управляется сама собою, так называемой «невидимой рукой», о которой говорил еще А. Смит, то никакого вмешательства и никакой опеки со стороны государства по отношению к хозяйственно-предпринимательской деятельности предприятий не должно быть. Правительство бросило предприятия на произвол судьбы в тот момент, когда они попали в невероятно сложные и тяжелые условия, потеряв отлаженные хозяйственные связи, рынки, гарантированное финансирование, лишившись в связи с инфляцией всех своих накоплений и оборотных средств. При переходе на рыночные отношения предприятия, как никогда, нуждались в государственной помощи, а им в ней было отказано из принципа, будто бы это несовместимо с рыночной экономикой. Правда, через какое-то время правительство республики осознало свою ошибку и вспомнило, что даже в развитых странах государство идет навстречу, помогает предприятиям, старается создать для них благоприятные условия. Оно стало выделять предприятиям, организациям, отдельным предпринимателям, крестьянам, фермерам государственные кредиты, но опять-таки на первых порах непродуманно, не позаботившись о строгом контроле за целевым использованием и их возвратности. В результате госкредиты на десятки и сотни миллионов сомов были использованы не по назначению. В рыночных реформах с самого начала делалась ставка на развитие частного предпринимательства.

И в этой связи вновь обратим внимание на весьма специфическую и чрезвычайно важную роль финансовой системы в накоплении денежного капитала в Кыргызстане. Сверхдоходы от торгово-посреднической деятельности в стране хронического дефицита вполне объяснимы. Однако еще более высокими они оказались в сфере финансово-спекулятивной деятельности. Финансовые махинаторы занялись спекуляцией на ваучерах, иностранной валюте, государственных и корпоративных ценных бумагах, недвижимости и пр. Коммерческие банки развернули бурную деятельность по аккумуляции свободных денежных средств за счет концентрации сбережений населения и оттока денежных и финансовых потоков из реального сектора экономики. Сформировался слой так называемых «олигархов», сосредоточивших в своих руках огромный денежный капитал, который в ходе различных финансовых махинаций был весьма успешно превращен ими в промышленный. И в этом смысле финансовая система сыграла совершенно особую роль механизма накопления денежного капитала.

Вполне соответствовало эпохе ПНК и экономическое поведение кыргызского номенклатурного по своей сути государства. Его деятельность была направлена на содействие этому процессу, что вылилось в следующие мероприятия:

- прорыночное законодательство было принято еще на исходе перестройки и явилось фактически юридической предпосылкой для начала рыночных преобразований;
- после официального провозглашения курса на рыночные преобразования были приняты законодательные акты, положившие начало приватизации государственного имущества путем проведения, прежде всего, бесплатной ваучерной приватизации. С одной стороны, это была вынужденная мера после обесценения сбережений населения, с другой – была отдана дань ранее сложившейся традиции социального равенства: часть государственного имущества была все же поделена поровну, на самом деле это «поровну» обернулось в конечном счете (и очень быстро) в пользу главных действующих лиц периода ПНК – представителей бывшей советской номенклатуры;

- существенно занижались относительно рыночных цены на подлежащие денежной приватизации объекты государственности, чем преодолевался дефицит денежного капитала и ускорялось разгосударствление экономики, в первую очередь в пользу лиц, наиболее близких к чиновничеству;
- не были приняты эффективные меры, препятствующие массовому оттоку отечественного капитала за рубеж, так как это противоречило интересам не только нарождающегося класса капиталистов, но и самих чиновников: экспортом капитала решалась проблема инвестиционного климата, неблагоприятного в переходной экономике по определению, таким путем укрывался от закона неправомерным трудом накопленный в стране капитал;
- не велись расследования по поводу расхищения государственных средств (государственных займов, целевых государственных субсидий, гуманитарной помощи и пр.);
- в середине 90-х гг. была создана система так называемых «уполномоченных» коммерческих банков, получивших возможность прокручивать бюджетные средства в спекулятивных целях, что послужило мощным источником личного обогащения банкиров, сумевших сохранить накопленный ими денежный капитал, часть которого была превращена в промышленный капитал, часть – фактически беспрепятственно вывезена из страны.

Подводя итоги более двадцатилетней деятельности кыргызского государства, следует признать, что вело оно себя вполне адекватно природе эпохи первоначального накопления капитала. В результате уже на исходе 90-х гг. более 3/4 ВВП производилось частным сектором. А это означало окончательное разрушение системы отношений общенародной собственности. На высвобождающемся экономическом пространстве формируются отношения частной собственности во всем ее современном многообразии. Идет процесс поляризации общества на класс собственников и лиц наемного труда, теперь уже действительно и фактически, и юридически отчужденных от средств производства.

И все же есть глубокие отличия в осуществлении ПНК в кыргызской экономике и в странах Запада в аналогичную эпоху. Наиболее важным из них является то, что становление капитализма протекает в постсоциалистической стране, в стране догоняющего типа развития. Этим и предопределяются следующие особенности:

- ПНК протекает в уже индустриализированной в советский период стране, что потребовало огромных денежных средств для участия в денежной приватизации при полном отсутствии предварительного накопления денежного капитала в советский период. Это не только явилось одной из экономических причин ваучерной приватизации, но и способствовало массовому расхищению объектов госсобственности, что, в свою очередь, породило всеобщую криминализацию экономической деятельности;
- монополизация экономики в советский период создала предпосылки для формирования сразу же корпоративного капитализма: советские монополии в облике ПО и НПО превращались в АО и ЗАО, а их руководители – в менеджеров, использовавших свое положение для обретения статуса собственника путем формирования контрольного пакета акций, скупая их прежде всего у работников своего предприятия;
- главным действующим лицом ПНК явилась бывшая советская номенклатура, инициировавшая и возглавившая рыночные преобразования и использовавшая политическую власть для обретения социального статуса собственника государственного имущества. Это придало кыргызскому переходному периоду еще одну специфическую черту – номенклатурного капитализма, а в сочетании с первой чертой – корпоративно-номенклатурного;
- капитализм в Кыргызстане формируется на двести лет позже, чем это происходило в развитых странах Запада. И фактор времени играет крайне негативную роль: превращение накопленного в стране денежного капитала в промышленный замедляется массовым его оттоком в развитые страны, где давно сформировался благопри-

ятный инвестиционный климат. Этот фактор удлинляет продолжительность переходного периода и трансформационного спада.

Таким образом, эпоху рыночной трансформации кыргызской экономики правомерно трактовать как процесс ПНК с присущими ему во всем многообразии содержанием, способами и методами осуществления, характером развития, ролью государства, социально-экономическими последствиями. В процессе ПНК плановая социалистическая экономика превращается не просто в рыночную, но капиталистическую, приобретающую особый национальный колорит. Такая идентификация позволяет решать возникающие проблемы исходя из специфики эпохи ПНК, а не закономерностей, свойственных современной развитой рыночной экономике, находящейся к тому же на принципиально ином – постиндустриальном этапе развития. Среди этих проблем важнейшая – трансформационный спад и пути его преодоления. В отечественной экономической литературе нередко рекомендуются в полном соответствии с давней национальной традицией заимствовать рецепты выхода из кризиса, разработанные мировой экономической наукой применительно к совершенно иной экономической реальности, каковой является экономика развитых стран, где давно сформировался промышленный цикл, вполне выявилась экономическая роль государства в его регулировании. Но кыргызская экономика находится пока на пороге капитализма, все еще пребывающего здесь в младенческом возрасте. В ней не то что промышленный цикл, но и рыночные отношения лишь формируются. С этой точки зрения и следует подходить к проблеме трансформационного спада, внешне столь схожего с экономическим кризисом, протекающим в развитых странах в рамках промышленного цикла.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ И РОСТА В ТРАНСФОРМАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ

3.1. Особенности трансформационных экономических процессов в постсоциалистических странах

Трансформационные экономические процессы, пути и способы такого перехода, отражающего тенденцию общемирового развития в разных странах, различны, что предопределено как конкретной социально-экономической ситуацией, так и отсутствием исторического опыта. Анализ этого процесса позволяет понять, что надо делать в этом направлении в условиях, когда отправной точкой являлась централизованно-плановая экономика, где, как правило, не было частной собственности и класса предпринимателей.

Переход от централизованно-управляемой экономики, господствовавшей на протяжении десятилетий в странах советского типа, к принципиально иной экономической системе, имеющей рыночную ориентацию, долог и тернист. При этом необходимо учитывать различия экономических, политических, социальных и других условий при выборе модели реформирования. Однако разнообразие самих условий трансформации не отменяет единого вектора преобразований – формирования рыночной экономики смешанного типа. И на пути к этой цели неизбежными становятся радикальные изменения в системе отношений собственности, глубокие институциональные преобразования, возникновение принципиально иного механизма функционирования экономики.

Как известно, процесс перехода многомерен и многовариантен. При этом его конкретные характеристики возникают в соответствии со своей собственной логикой, поэтому важно знать и понимать корни и истоки процесса перехода. И если скорость и координация осуществляемых преобразований не контролируются эффективным образом (например, приватизация и контроль над финансовыми посредниками, или либерализация цен и создание системы социальной безопасности, или либерализация торговли и политика, направленная на повышение конкурен-

тоспособности), может произойти кризис, причем гораздо более глубокий, нежели при окончании централизованного планирования.

Хотя переход к рыночной экономике как специфической системе отношений объективно включает в себя перечень мер, обязательных для любой страны, его осуществляющей, последовательность необходимых преобразований, этапы и сроки их проведения в странах будут различаться. Другими словами, сам процесс очень динамичен, каждый случай уникален, что делает невозможным выработку единой теоретической схемы, применимой для любой страны при ее переходе к рыночной экономике. Постсоциалистический переход к рынку не следует сводить к какому-либо одному хорошо известному историческому или теоретическому примеру. Переходная политика должна быть гибкой, учитывающей как достижения, так и ошибки других стран, вбирающей в себя знания и опыт, имеющийся в разных системах и регионах, в состоянии быстро вносить поправки в программы перехода при изменении обстоятельств.

Можно предполагать, что каждой стране, совершающей переход от плановой экономики к рыночной, будет присуща своя особенная модель реформирования (модель перехода, модель трансформации). Однако это не отменяет возможности объединения каких-либо стран в одну группу по признаку преимущественного использования той или иной модели трансформации. И неслучайно в научный оборот, кроме национальных моделей экономического развития (например, китайская, российская и др.), вошли такие понятия, как европейская или азиатская рыночные модели в качестве обобщенных характеристик вариантов развития экономики.

Очевидно, что конкретную ситуацию, реально складывающуюся в процессе трансформации в той или иной стране, трудно втиснуть в рамки какой-либо одной модели. Но это можно будет сделать, если анализировать состояние переходных экономик на основе критериального подхода, т. е. сквозь призму определенных критериев, таких, например, как глубина и характер спада в экономике, меры и пути преодоления «экономики дефицита»,

последовательность и очередность шагов реформирования, темпы преобразований, роль государства в трансформационных процессах и др.

Сложности также возникают при попытке идентифицировать состояние переходных экономик на начальных этапах реформирования, когда становится «практически невозможно однозначно свести экономику определенной страны к одной из моделей трансформации», так что «обоснованные теоретические выводы относительно нынешних трансформаций можно будет сделать лишь тогда, когда сами трансформации будут завершены»¹.

Возникает вопрос, почему экономические реформы в разных странах приводят к неодинаковым результатам, где-то оказываются более, а где-то менее успешными. Обобщение опыта трансформации переходных экономик невозможно без анализа условий и факторов, влияющих на процессы реформирования, и в этой связи необходимо, прежде всего, обратить внимание на время начала этих преобразований. В некоторых странах Восточной Европы (например, Венгрии, Югославии) реформы рыночного типа начались в 80-е гг. еще при социализме с присущей ему монополией государственной собственности и главенствующей ролью централизованного планирования. Последующая практика перехода стран к рыночной экономике показала, что реформы, начавшиеся в рамках старой системы, обеспечили создание более гибких структур, организаций и общественных институтов, в результате чего трансформационный спад в этих странах оказался менее глубоким и более коротким.

Начало этапа преобразований, спада производства и перехода стран ЦВЕ на рыночный и демократический путь развития приходится на конец 80-х гг. К объективной необходимости радикальных перемен в этих странах привел глубокий кризис экономики, что выражалось в замедлении темпов роста, усилении инфляционных процессов, росте внешней задолженности, снижении эффективности производства и жизненного уровня насе-

¹ Бузгалин А., Колганов А. Введение в компаративистику. М., 1997. С. 306, 329.

ления, все большем отставании от развитых стран в научно-техническом развитии.

Относительно большие успехи в реформировании экономик стран ЦВЕ по сравнению, в частности, со странами СНГ в немалой степени объясняются тем, что прежняя система господствовала в СССР на протяжении 70 лет, а в странах ЦВЕ – только 40, к тому же в них она фактически была навязана извне, т. е. еще не успела стать способом жизни, а была скорее «импортированным» продуктом. Можно сказать, что страны ЦВЕ еще не успели совсем забыть свое рыночное прошлое, к тому же в некоторых из них (Польша, Чехословакия) к началу трансформации уже был накоплен некоторый опыт внедрения в плановую экономику рыночных инструментов, что положительно повлияло на ход преобразований.

По одной из методик конкретной оценки меры продвинутости рыночных реформ и социально-экономического развития выделяют такие группы стран: тройка лидеров – Словения, Польша и Чехия; вторая группа – Венгрия и Словакия; третья – Румыния и Болгария; наименьшее значение имеют Россия и Украина.

Практика трансформации постсоциалистических стран выявила две альтернативные стратегии проведения экономических реформ: «шоковой терапии» (быстрых радикальных преобразований) и постепенного, эволюционного перехода. Считается, что первый вариант с той или иной степенью последовательности применялся в России и в большинстве стран ЦВЕ (в классической форме – в Польше). Исторически более ранний эволюционный путь постепенного создания рыночных институтов опробован в Китае и Венгрии.

Безусловно, концепция «шоковой терапии» предполагает проведение одномоментной либерализации цен, резкое сокращение государственных расходов и достижение бездефицитного бюджета. В наиболее последовательном виде эта концепция была реализована в Польше в 1990–1991 гг., в результате чего этой стране всего через 3–4 года после начала «шоковой терапии» удалось выйти на траекторию экономического роста (4–5 % в год, начиная с 1993 г.). Необходимо отметить, что большинство

постсоциалистических стран в той или иной мере использовали на практике концепцию «шоковой терапии». Кроме Польши наиболее успешно это было осуществлено в Словении и Чехии.

Другая концепция проведения рыночных реформ – градуализм – предполагает осуществление постепенных преобразований в экономике при главенствующей роли государства в формировании рыночного механизма. Наиболее яркий пример градуализма – реформы в Китае, сопровождающиеся очевидными результатами, при которых ВВП страны ежегодно увеличивается в среднем на 12 %, среднегодовой прирост промышленного производства – более 10 %, а продукции сельского хозяйства – 4,1 %. Китайский опыт тем более показателен, что другие страны с переходной экономикой не смогли избежать трансформационного спада. Однако весьма желательного копирования китайского опыта не произошло: практически ни одна из трансформируемых стран не взяла его на вооружение. Дело тут, очевидно, в специфических условиях китайской экономики и менталитета общества в целом.

Действительно, Китай – это специфическая страна с огромным сельским населением, недостаточно развитая в промышленном отношении, с низким уровнем доходов и огромной диаспорой за границей. Но почему же все-таки, несмотря на то что успехи экономических реформ в этой стране неоспоримы, их стратегия для других стран оказалась неприемлемой, а китайский опыт в целом невоспроизводим, хотя отдельные его элементы могли бы найти применение в других странах? Почему Китаю удалось избежать трансформационного спада?

Во-первых, политическая стабильность, благоприятные условия для предпринимательства в сочетании с дешевой рабочей силой способствуют привлечению в Китай иностранного капитала в огромных размерах (более 300 млрд долл. за годы реформ, что в 15 раз превышает накопленный объем иностранных инвестиций в российскую экономику). Так что диаспора китайцев, живущих за границей, насчитывающая 50–60 млн чел., играет огромную роль в экономическом развитии Китая, в немалой степени обеспечивая своими капиталами высокие темпы роста китайской экономики.

Во-вторых, специфика политической ситуации в Китае такова: реформы здесь проводятся в рамках «рыночного социализма» под жестким контролем правящей коммунистической партии в благоприятных условиях политической стабильности. Это обстоятельство обеспечило возможность провозглашения курса на создание свободных экономических зон, что способствовало притоку иностранных инвестиций и повышению темпов роста китайской экономики.

В-третьих, отсутствие необходимости крупной структурной перестройки хозяйства и внешней торговли по причине гораздо меньшей степени их деформации в Китае (по сравнению с другими переходными экономиками) в известной мере способствовало тому, что китайской экономике удалось избежать типичного для других стран трансформационного спада.

В-четвертых, экономические реформы в Китае основываются на переводе крестьян из коммун в мелкие фермеры (аграрная реформа) и создании новых промышленных предприятий в сельских регионах (промышленная реформа), где в наличии всегда имеется дешевая рабочая сила. Иначе говоря, все привязано к сельскому хозяйству, к трудовому навыку китайского крестьянина-труженика. (В других же странах, и особенно в Кыргызстане, подобных условий и близко не было.) Так что успех преобразований в Китае в решающей степени связан с наличием огромного слоя мелких предпринимателей в городе и деревне. Снятие ограничений на индивидуальную трудовую деятельность в начале 80-х гг. дало возможность в сжатые сроки оживить торговлю, сельское хозяйство и мелкое производство. Кроме того, распад СССР и трансформационный спад способствовал развитию китайской экономики, т. к. китайские товары, дешевые по известным причинам, заполнили рынки стран СНГ.

Эти особенности в какой-то степени объясняют специфический путь экономических реформ в Китае и невозможность в полной мере использовать этот опыт в других странах с переходной экономикой.

Практически на протяжении 10 лет от начала трансформации в постсоциалистических странах при оценке пройденного ими

пути во главу угла брался тезис о сроках осуществления реформ (фактически о темпах и глубине либерализации), т. е. анализ проводился в русле сравнения двух известных моделей – «шоковой терапии» и градуализма, а значит, по критерию скорости претворения в жизнь мероприятий по трансформированию экономик.

И действительно, на первых порах довольно отчетливо прослеживалась прямая зависимость между скоростью преобразований и наступлением положительной динамики основных макроэкономических показателей реформируемых экономик. В пользу такого рода вывода говорило и то, что, как правило, те страны, которые поторопились перейти к курсу перемен, претерпели гораздо меньший спад и быстрее вышли на траекторию экономического роста (например, Польша и ряд других стран ЦВЕ).

Как известно, предложены специальные показатели, отражающие степень либерализации переходных экономик (так называемый индекс либерализации, большее значение которого от 0 до 5 означает и более высокую степень либерализации). И на первых порах (этапах реформирования) вроде бы подтверждался тезис о том, что прогресс в либерализации должен сопровождаться улучшением состояния экономики, что динамика ВВП тем благоприятнее, чем выше либерализация и чем ниже инфляция. Действительно, такие страны, как Польша, Словения, Венгрия, Вьетнам, где значение индекса либерализации выше 4, к 1998 г. добились и высоких темпов роста ВВП, а страны с индексом либерализации более 3 (Чехия, Словакия), преодолев трансформационный спад, превзошли к этому периоду по объему ВВП до-реформенный уровень. Что же касается стран с низким уровнем либерализации (значение индекса либерализации для Украины – 0,80, Таджикистана – 0,95, Азербайджана – 1,03)¹, то они за то же время достигли только 1/3 докризисного объема ВВП.

И все же при более внимательном подходе к оценке хода трансформации и глубоком сравнительном анализе состояния

¹ *Понов В.* Динамика производства при переходе к рынку: влияние объективных условий и экономической политики // *Вопр. экономики.* 1998. № 7. С. 45.

переходных экономик с использованием описанного выше критерия становятся заметными явные несоответствия, фактически разрушающие общую схему, согласно которой, чем больше степень либерализации, тем лучше должны обстоять дела в экономике. Так, явно не укладывается в описанную конструкцию состояние экономики Китая, обеспечившего быстрый экономический рост в 80–90-е гг. при более низких показателях либерализации (индекс 2,0), чем в странах ЦВЕ. Не находит также в этом случае объяснения и пример Вьетнама, который, приступив в марте 1989 г. (на девять месяцев раньше Польши) к реализации программы классической «шокотерапии» (единовременно было дерегулировано 90 % всех цен), не только не допустил спада, но, напротив, обеспечил ускорение экономического роста (до 7 % в год в 90-е гг.).

Конечно, можно было бы отнести эти случаи к тем исключениям, которые только подтверждают общее правило, если бы прямая зависимость между степенью либерализации и состоянием дел в экономике соблюдалась во всех других странах и регионах. Однако подобного не наблюдается. Далее среди стран ЦВЕ успехи в экономике не всегда соответствуют уровню либерализации. Например, Венгрия – один из лидеров в либерализации в Европе наряду с Польшей и Словенией – имеет более низкие темпы роста и уровень производства относительно докризисного, чем уступающие в либерализации Чехия и Словакия. Аномалия имеет место и среди стран СНГ.

Так, хотя Узбекистан и Белоруссия чуть ли не самые отстающие по показателю либерализации экономики (индексы 1,11 и 1,07 соответственно), однако по уровню производства (по сравнению с предкризисным периодом) Узбекистан занимал к 1998 г. первое место в этой группе стран (86 % от уровня 1989 г.), а Белоруссия в 1997 г. стала самой быстрорастущей страной в Европе (прирост ВВП составил 10 %)¹.

¹ *Попов В.* Динамика производства при переходе к рынку: влияние объективных условий и экономической политики // *Вопр. экономики.* 1998. № 7. С. 45.

Еще труднее объяснить достижения в экономике таких двух стран Азиатского региона, как Китай и Вьетнам, рассматриваемые сквозь призму сроков осуществления реформ, т. е. в зависимости от темпов либерализации: «шокотерапия» во Вьетнаме оказалась почти столь же успешной, что и китайский градуализм.

Таким образом, приведенные несоответствия фактически разрушают общую схему, согласно которой именно прогресс в либерализации должен обеспечить быстрое преодоление спада и восстановление производства.

В поисках такого подхода, на основании которого можно было бы объяснять многочисленные противоречивые факты в экономике стран в условиях их трансформации, а также ответа на вопрос, какие именно параметры экономической политики в большей степени влияют на успех реформ, было обращено внимание на действия государства в разных странах в этот период, на роль различных институтов, в том числе и негосударственных, в преобразовании экономик, обеспечении стабильных условий для функционирования рыночной экономики.

В результате было признано, что сильные институты, обеспечивающие нормальную работу рыночных механизмов, намного важнее для успеха трансформации, чем темпы либерализации. И действительно, страны, поддерживающие эффективность институтов на высоком уровне (от Китая и Вьетнама до Узбекистана и Белоруссии), пусть и отстают от других в либерализации, но показывают лучшие экономические результаты (высокие темпы роста, сравнительно меньший спад производства). И именно слабостью институтов можно объяснить невысокие экономические показатели Украины (падение производства оказалось здесь больше предкризисного уровня), несмотря на то что она проводила постепенные реформы.

Таким образом, анализ хода трансформации постсоциалистических стран, изучение и обобщение опыта реформирования их экономик углубляют степень нашего понимания экономических взаимосвязей, позволяют выявить новые зависимости и закономерности.

В заключение можно сказать, что спор между сторонниками «шокотерапии» и градуалистами шел, как мы теперь понимаем,

по вполне частному, можно даже сказать, второстепенному вопросу, в то время как решающий фактор успешной трансформации – сильные институты – фактически был упущен из виду. Теперь же приходит понимание того, что без эффективных институтов ни одна экономическая модель не работает, и на первый план реально выдвигается вопрос о том, каким должно быть оптимальное сочетание рынка (либерализации) и государственного регулирования (институтов) в «моделях» переходных экономик.

3.2. Предпосылки экономической стабилизации и последующего экономического роста

Предпосылки экономической стабилизации весьма многообразны. Рассматривать их следует, исходя из специфики переживаемого периода как эпохи первоначального накопления капитала (ПНК). И тогда проблема экономического роста выступает как проблема формирования промышленного капитала, т. е. капитала, сферой обитания которого является реальный сектор национальной экономики, где создается ВВП. Экономический рост начинается по мере овладения промышленным капиталом отраслями сектора. Именно это обстоятельство оказывается решающим. Там, где сформировался промышленный капитал, он сам начинает формировать инвестиционный климат, постепенно преодолевая все препятствия, возникающие в сфере его деятельности. Последнее – дело техники, где «техниками» выступают нанятые собственником менеджеры (либо сам собственник, выполняющий функции управляющего, что более типично для переходной экономики, где еще не сформировались условия для отделения собственности от управления, а потому собственнику приходится заниматься даже оперативным управлением).

Как известно, в России наиболее привлекательными для частного бизнеса оказались экспортоориентированные отрасли. А потому именно здесь становление промышленного капитала осуществлялось быстро, зачастую минуя стадию предварительного формирования денежного капитала. Эти отрасли в первую очередь обрели подлинных собственников, здесь сложились крупные компании, сосредоточился высококвалифицированный

менеджмент. А потому и экономический рост едва ли не сразу приобрел устойчивый характер (НК «Сибнефть», НК «Роснефть», НК «Сургутнефтегаз», НК «ЮКОС» и другие. При этом важно наличие именно подлинного (не без основания называемого стратегическим) собственника, который появился пока далеко не везде, хотя негосударственные формы собственности стали преобладающими в России в середине 1990-х гг.

Тем не менее жесткий и бескомпромиссный постприватизационный передел собственности продолжается и поныне. Его главными действующими лицами выступают менеджеры и собственники, в ходе передела менеджеры пытаются стать собственниками, а собственники – менеджерами. Без такого слияния в переходный период оказывается весьма проблематичным обеспечение реального статуса собственника, а следовательно, и выполнение присущих последнему функций, важнейшей из которых является инвестиционная. В процессе этой борьбы формируется система корпоративного управления. За этими противоречиями стоит борьба между потенциальными претендентами за полное овладение реальным сектором, среди которых в наиболее выигрышном положении находились руководители бывших советских предприятий, адаптационные способности которых оказались, однако, весьма скромными. Прошедшие годы выявили неспособность многих из них выполнять даже функции менеджеров в принципиально новых условиях, тем более собственников, еще более сложные и ответственные, ранее им неведомые, что и выступает объективной причиной продолжающегося передела поделенного имущества.

В формировании промышленного капитала огромную роль сыграла финансовая система, в значительной мере ускорившая образование денежного капитала, способного превратиться в промышленный, хотя само это образование протекало далеко не всегда в цивилизованных формах.

Остановимся на инвестиционном климате. Эпоха ПНК – эпоха формирования нового класса собственников. Процесс этот, будучи весьма длительным и болезненным, неизбежно сопровождается криминализацией экономической деятельности. В Рос-

сии ситуация усугублена еще и тем, что подлинные рыночные отношения в советский период не могли сформироваться даже в условиях официального расширения в процессе послевоенного реформирования советской экономики сферы товарно-денежных отношений (ТДО), т. к. последние складывались в неадекватной для них среде всеобщего огосударствления экономики. Что касается стихийно развивавшегося «теневое» сектора, то он, будучи поставленным вне закона, был представлен крайне криминализированными структурами. Тем более не мог появиться денежный капитал в форме торгового и ростовщического, как это происходило в свое время в странах Запада. Правда, денежным капиталом могли бы стать сбережения населения, однако они были сметены гиперинфляцией, последовавшей за отпуском цен 2 января 1992 г. (цены в течение года возросли в 26 раз). В силу всех этих обстоятельств рыночные отношения в России стали формироваться, по существу, заново с конца 80-х гг., да еще сразу в сложной форме корпоративного капитализма.

Важно и то, что на первых порах велика была опасность реставрации социализма, что сдерживало частнопредпринимательскую инвестиционную деятельность. Последующие годы всеобщего хаоса также не благоприятствовали ей. Крайне нестабильной была и социальная обстановка в стране, коль скоро приватизация носила асоциальный характер: преобразованию подлежала действительно общенародная собственность. Вместе с ней уходили в небытие и присущие только ей способы экономической реализации, вполне осознаваемые и весомые, основными из которых были всеобщая гарантированная занятость и распределение общественно значимых благ и услуг через общественные фонды потребления, по существу, бесплатно.

В условиях либерализации внешнеэкономической деятельности в страну хлынул поток импортных товаров, что в условиях технологической отсталости гражданских отраслей, да еще при завышенном курсе национальной валюты мгновенно лишило отечественную промышленность рынков сбыта.

Небезупречное происхождение накапливаемого в стране капитала тем более побуждало к вывозу его за рубеж, что усилива-

ло инвестиционный голод. Все это удлиняло переходный период, консервировало трансформационный спад.

И все же экономический рост, наметившийся в российской экономике с 1999 г. и продолженный в последующие годы, имеет своей основой не только преходящие конъюнктурные факторы, как-то рост цен на энергоносители на мировых рынках и девальвация национальной валюты, способствовавшая развитию импортозамещающих отраслей народного хозяйства. Его наиболее прочной основой является образование промышленного капитала, накопление которого осуществляется принципиально иным путем – путем развертывания воспроизводственного процесса, возрождения реального сектора экономики, что, прежде всего, и становится основой амбициозных темпов экономического роста в условиях все еще не сложившегося промышленного цикла.

Последний, будучи внутренне присущим индустриальному этапу развития производительных сил, был подавлен в годы социализма механизмом директивного централизованного планирования. Трансформационный спад можно рассматривать как исходную фазу становления промышленного цикла, формирующегося в процессе диверсификации структуры народного хозяйства, ориентированной на постиндустриальное развитие.

Экономическая теория располагает теоретически обоснованными и практически проверенными концепциями стабилизации развития экономики и достижения экономического роста, но их практическая реализация имеет глубоко историчный характер, т. е. зависит от особенностей и условий жизни каждой страны.

3.3. Роль государства в регулировании трансформационных экономических процессов

Продуманная и последовательная государственная экономическая политика имеет первостепенное значение при проведении трансформационных преобразований.

Важнейшую роль в трансформационной экономике играют такие первоочередные мероприятия, как широкомасштабная либерализация и последовательная стабилизация. Либерализация предполагает свободное ценообразование и прекращение контроля

со стороны государства в торговле. Значимость либерализации заключается в ее возможности преодоления двух фундаментальных недостатков централизованной экономики: искаженной системы стимулов и ограниченности информации. Либерализация заставляет предприятия ориентироваться на потребительский спрос и получение прибыли в условиях конкуренции. Она способствует ценообразованию, соответствующему реальному соотношению спроса и предложения, дающему сигнальную информацию производителю о потребности в тех или иных товарах. Либерализация на первом этапе неизбежно ведет к скачку цен, а инфляция мешает нормальному функционированию экономики. Но, несмотря на все издержки, либерализация позволяет разорвать жесткие административные связи между государством и предприятиями, сократить субсидии, создав тем самым условия для стабилизации экономики.

Макроэкономическая стабилизация национальной экономики означает сокращение инфляции и дефицита государственного бюджета, прекращение льготного кредитования и избыточной денежной эмиссии. Стабилизация включает преодоление диспропорций в экономике и внешнеэкономической сфере. При всем разнообразии способов она обычно включает в себя такие меры, как контроль над денежной массой и ее регулирование, введение внутренней конвертируемости валют, регулирование учетной ставки валютного курса и другие, жесткие монетаристские методы. Однако в тех странах, где наблюдается высокая социальная и политическая нестабильность, проведение подобной политики значительно усиливает социальную напряженность и даже чревата социальным взрывом. В таких условиях более результативными являются мягкие методы финансового регулирования.

После завершения макроэкономической стабилизации и либерализации первоочередными проблемами становятся вопросы, связанные с созданием рыночных институтов, бюджетно-налоговой политики.

Важнейшим направлением формирования рыночных отношений является структурная перестройка национальной экономики, означающая переоснащение отраслей и производств новой современной техникой, ликвидацию устаревших производств

и их переориентирование на выпуск современной наукоемкой продукции, пользующейся спросом как на отечественном, так и на международных рынках.

Необходимость структурной перестройки обычно обусловлена: значительным несоответствием структуры производства структуре потребления, проявляющимся в производстве не находящей спроса продукции; недостаточной ориентацией на производство товаров и услуг, предназначенных для удовлетворения внутренних потребностей экономики и населения; низкой конкурентоспособностью продукции на мировом рынке.

Одно из основных направлений переходного периода – интеграция национальной экономики в мировое хозяйство. Ключевая проблема на этом направлении – перестройка внешней торговли в соответствии с требованиями рыночной экономики.

Формирование рыночной экономики требует решения ряда других задач. К ним относятся:

- ограничение прямого вмешательства государства в экономику. Должен произойти отказ государства от большинства функций, выполняемых им в командной экономике, т. е. регулирование всего и вся. Главной задачей государства должна стать защита формирующейся рыночной экономики, сохранение стабильности в работе народного хозяйства;
- демонополизация экономики – ликвидация преобладания на рынке отдельных товаров одного либо небольшого числа производителей;
- введение института частной собственности, гарантированной законом, в том числе в сельском хозяйстве;
- обуздание инфляции, неизбежной после проведения либерализации цен. Переход подавленной инфляции, характерной для командно-административной системы, проявляющейся в «вымывании» товаров с прилавков и росте цен на «черном рынке», в открытую инфляцию требует проведения жесткой антиинфляционной политики;
- развитие рынка товаров и услуг производственного и непроизводственного назначения; финансового рынка, создание регулируемого рынка труда;

- формирование рыночной инфраструктуры, включая фондовую, валютную, товарные биржи и др.;
- финансово-экономическая стабилизация посредством проведения жесткой денежно-кредитной политики с целью ограничения инфляции;
- преодоление в экономическом мышлении у значительной части населения проявлений патернализма (государство должно все обеспечить) и эгалитаризма (уравнительность в распределении).

Экономическая политика государства в переходный период определяется в содержательном плане необходимостью преобразования социалистической плановой экономики в капиталистическую рыночную. В этом смысле она является общей для всех постсоциалистических стран. Однако последовательность и темпы проведения преобразований во многом задаются моделью реформирования, а в пределах одной модели – национальными особенностями каждой страны.

Как известно, в Кыргызстане так же, как и в России, была принята либеральная модель, предложенная МВФ. Уже в силу того что она была рекомендована именно финансовой международной организацией, а ее теоретической основой является монетаризм, при ее реализации приоритетными становятся кредитно-денежная и финансовая политики. И если для стран Латинской Америки (для которых изначально эта модель была предназначена) акцент ставился на финансовом оздоровлении их уже рыночной экономики, то для кыргызской плановой экономики либерализация экономической деятельности хозяйствующих субъектов и приватизация государственного имущества, принятые в рамках данной модели, создали вполне достаточные предпосылки для ее превращения в рыночную. Это предопределило стремительный характер преобразований, а порожденные либерализацией экономической деятельности хаос и стихия соответствовали эпохе первоначального накопления капитала.

Начало стихийным процессам было положено первой же акцией кыргызского правительства, осуществленной в рамках либеральной модели: отпуском цен в январе 1992 г., породившим

в высокомонополизированной и хронически дефицитной экономике гиперинфляцию, когда цены только за 1992 г. выросли в 26 раз, что, в свою очередь, мгновенно обесценило сбережения населения (уже в силу этого обстоятельства бесплатная приватизация оказалась безальтернативной). Во внутренней политике возобладал курс на финансовую стабилизацию. Последняя достигалась методами кредитно-денежной и финансовой политики. При этом, однако, неадекватно был определен характер инфляции как спросовой, а потому кредитно-денежная политика 90-х гг. оказалась неспособной решить проблему финансовой стабилизации в первые постперестроечные годы. Более того, она в немалой мере способствовала разрушению реального сектора, составляющего основу всякой национальной экономики, в том числе и переходной, в отрыве от состояния которого никакая финансовая стабилизация недостижима.

Но в то же время кыргызское государство отнюдь не бездействовало в этот период. Его активность сосредоточилась в соответствии с избранной моделью реформирования на приоритетных направлениях экономической политики и отнюдь не ограничилась проведением исключительно кредитно-денежной и финансовой политики. В области кредитно-денежной политики был взят курс на сжатие денежной массы в обращении путем изъятия излишней денежной массы, но при этом без жесткой увязки с резким повышением оптовых и розничных цен, многократно перекрывшим сокращение ВВП.

Необоснованное сжатие денежной массы чрезвычайно затруднило денежные расчеты, в особенности в реальном секторе экономики, ввиду ее массового оттока в финансовый сектор, где осуществлялись финансово-спекулятивные сделки, доходность которых многократно превышала доходы в реальном секторе экономики. Это обстоятельство явилось одной из важных причин разразившегося кризиса неплатежей, в результате чего реальный сектор экономики оказался отброшенным к доденежному обмену, осуществляемому по формуле $T-T'$, что, однако, отнюдь не тождественно натурализации экономических отношений в реальном секторе. Напротив, это в большей мере свидетельство-

вало о становлении подлинных товарно-денежных отношений, начиная с их простейших форм. Вместе с тем отток денежной массы в финансовый сектор оказался мощным фактором накопления денежного капитала, столь необходимого для участия в денежном этапе приватизации, хотя и ценой подрыва реального сектора. Дело в том, что частичное разрушение реального сектора в любом случае было неизбежным, так как Кыргызстаном от социализма была унаследована макроэкономическая структура, сформированная по чуждым рыночной экономике критериям.

Индекс потребительских цен, выражающий уровень инфляции, составил: в 1991 г. – 279 %, 1992 – 1358,7, в 1993 г. – 1466,0 %. Инфляция обесценила советские рубли, вследствие чего предприятия потеряли оборотные средства, население лишилось денежных вкладов и сбережений, деньги утратили свое значение не только как средство накопления, но и как средство платежа. Проценты по кредитам в это время поднялись чуть ли не до 400 % и стали недоступными для предприятий и предпринимателей.

Вся денежно-финансовая система страны вошла в состояние глубочайшего кризиса, и это привело к развалу и разрушению экономики.

Расстройство денежно-финансовой системы подорвало всякую возможность осуществления экономической деятельности в стране. Из-за постоянного роста цен нельзя было заключать сделки, проводить какие-либо хозяйственные операции, поскольку все быстро менялось и приводило к тому, что невозможно было рассчитаться с поставщиками сырья, материалов, электроэнергии, выплатить заработную плату работникам, продать произведенные продукты, изделия и услуги. Все это вынудило руководство государства добиваться стабилизации денежно-финансовой системы. В связи со сложившейся обстановкой Кыргызстан одним из первых среди стран СНГ пошел на то, что вышел из рублевой зоны и провел в начале мая 1993 г., денежную реформу, в результате которой рубль был заменен национальной кыргызской валютой. С введением кыргызского сома рублевый инфляционный избыток денежной массы был устранен, а сом стал более-менее стабильной, устойчивой валютой.

В условиях высокой инфляции чрезвычайно дорогим, а потому недоступным для предприятий реального сектора оказался кредит, процентная ставка по которому регулировалась Банком Кыргызстана через ставку рефинансирования. Тем самым была закрыта возможность компенсировать дефицит собственных инвестиционных средств заемными, что способствовало еще большему углублению трансформационного спада, разрушению реального сектора, сложившейся в нем структуры.

Финансовая политика также проводилась зачастую до конца непродуманно. В условиях острого дефицита бюджета, огромной внешней и внутренней государственной задолженности фискальные интересы государства при проведении финансовой политики оказались приоритетными. Доходы бюджета, как известно, формируются, прежде всего, за счет налоговых поступлений. Однако налоговая система Кыргызстана, как и любой другой институт рыночной экономики, не могла сложиться сразу. При установлении налоговых ставок государство вынужденно исходило, прежде всего, из необходимости погашения своих долговых обязательств, а не из реальных возможностей налогоплательщиков. Тем самым подрывалась налогооблагаемая база в долгосрочном периоде. Однако текущие проблемы оказались безальтернативными в сложившихся условиях.

Финансовое положение большинства предприятий, и без того слабое, еще больше ухудшилось. Они либо разорвались, либо «уходили в тень», используя множество методов уклонения от уплаты налогов, либо вывозили накопленный в стране денежный капитал за рубеж, что подрывало и без того скудный инвестиционный потенциал страны.

В то же время даже в условиях реализации либеральной модели государство не ограничивалось проведением исключительно кредитно-денежной и финансовой политики. В той или иной мере ему приходилось заниматься и инвестиционной политикой. Однако недостаток финансовых средств не позволял успешно выполнять даже те скромные инвестиционные программы, которые принимались государством. Уровень финансирования инвестиционных проектов не превышал 30 %. Ограниченность ресурсов

государственной казны не позволяла осуществлять социальную политику в масштабах, достаточных для оказания ощутимой поддержки хотя бы наиболее уязвимым слоям населения в виде всякого рода социальных трансфертов, не говоря уже о недостатках самой этой политики, при проведении которой грубо нарушался принцип адресности оказания социальной помощи. Этому в немалой мере способствовал унаследованный от социализма принцип равенства в предоставлении благ и услуг через систему общественных фондов потребления. В результате более трети населения оказалась за чертой бедности. И все же социальная политика явилась достаточной для того, чтобы не допустить столь естественных для всякой переходной эпохи острых социальных конфликтов на почве раздела и передела ранее созданного общественного богатства. Протесты раздавались лишь по поводу несвоевременной выплаты заработной платы и социальных трансфертов. Протест против собственно рыночных преобразований проявлялся в неизменной поддержке представителей Коммунистической партии. Но все протесты были погашены начавшейся на исходе века политикой, направленной не только на преодоление накопленной в предшествующий период задолженности по заработной плате и социальным трансфертам, но и на их индексацию и постепенное повышение минимального размера оплаты труда, что вполне соответствует официально провозглашенному и записанному в Конституции КР курсу на построение социально ориентированной рыночной экономики. В условиях трансформационного спада важно было приостановить рост массовой нищеты, что и было достигнуто.

В этой связи напомним, что социальная ориентация экономики развитых стран Запада также оказалась возможной далеко не сразу, а лишь по мере повышения уровня экономического развития, особенно в эпоху постиндустриального развития, создавшего для этого материальные предпосылки. Кроме того, такая ориентация была обусловлена резким возрастанием значимости «человеческого капитала» как основы современного прогресса, что потребовало создания социальных условий для ее формирования и эффективного функционирования в течение всего трудо-

способного возраста, гарантированных государством. Сочетание возможности и необходимости сделало реальностью социальную ориентацию рыночной экономики развитых стран, которая, будучи дополненной государственным регулированием дифференциации доходов, обеспечивает социальную стабильность.

Итак, государство в постсоциалистических странах действует в чрезвычайно сложных и специфических условиях беспрецедентного перехода к капитализму от социализма. Его основное назначение состоит в том, чтобы обеспечить построение рыночной экономики на руинах плановой путем создания соответствующих юридических предпосылок и юридического оформления вновь складывающихся экономических отношений, что способно защитить права собственников, сформировать правовое поле их деятельности. Эту функцию государство реализует проведением реформаторских акций, предопределенных принятой моделью рыночной трансформации.

Роль государства меняется по мере прохождения различных этапов переходного периода. Завершение первого этапа в 90-е гг. и переход ко второму выдвигает в качестве главных иные проблемы. Прежде всего, это поиски оптимального соотношения форм собственности, места в нем госсобственности, регулирование национальной экономики путем перераспределения ВВП через бюджет разного уровня, нахождение оптимальных форм взаимодействия государственного регулирования с рыночным механизмом с корректировкой при этом их соотношения в соответствии с национальными особенностями постсоциалистического капитализма, складывающегося в стране.

Необходимость возрождения реального сектора национальной экономики в соответствии с современными технологическими укладами, присущими постиндустриальному развитию, превращает структурную политику государства в доминирующую. Однако основная инвестиционная нагрузка при осуществлении глобальной реструктуризации ложится на частный бизнес, прежде всего на крупные интегрированные бизнес-группы, для развертывания деятельности которых и должен быть создан соответствующий инвестиционный климат в стране. Не менее важны

разработка стратегии экономического развития и механизм ее реализации, способный направить частнопредпринимательскую деятельность в русло реализации общенациональных интересов.

Очевидно, что в трансформационный период одной из главных проблем, решаемых государством, является, конечно же, предотвращение или снижение негативных последствий периодически повторяющейся рецессии производства, спады и экономические кризисы, которые сопровождаются ростом безработицы, углублением инфляции, обострением социальных конфликтов. Важная роль государства – ослабление социально-политических, межэтнических и других конфликтов, которые могут перерасти в гражданскую войну.

Таким образом, государство играет первостепенную роль в трансформационной экономике. Оно регулирует процессы перераспределения ресурсов и производство общественных благ, старается стабилизировать экономическое развитие, сглаживает взлеты и падения деловой активности, сдерживает инфляцию и безработицу, поддерживает экономический рост.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Трансформационная экономика представляет собой особое состояние экономической системы, когда она функционирует в период перехода общества от одной сложившейся исторической системы к другой. Переходный период – это период времени, в течение которого общество осуществляет коренные экономические, политические и социальные преобразования, а экономика страны переходит в новое, качественно иное состояние в связи с кардинальными реформами экономической системы.

Переходная экономика имеет ряд отличительных признаков: неустойчивость; неполнота, отсутствие или зачаточное состояние отдельных институтов рынка; масштабность и глубина идущих преобразований; альтернативный характер и другие.

Можно выделить следующие главные задачи переходной экономики:

- преодоление кризисных явлений, углубившихся после вступления общества в переходную экономику;
- формирование рыночных отношений и рыночной инфраструктуры;
- реформирование отношений собственности как основы экономической системы;
- создание условий экономической свободы для всех субъектов хозяйствования;
- создание развитой системы социальной защиты и социальных гарантий, ограждающих население от тяжелых последствий реформирования экономики.

В настоящее время в теории и практике проведения трансформационных преобразований сложились два противостоящих друг другу направления – градуализм и «шоковая терапия».

Кыргызстан, как и большинство республик СССР, выбрал «шоковый» вариант перехода к рыночной системе хозяйствования в соответствии с рекомендациями МВФ.

После первоначального переходного периода, характеризующегося резким падением валового внутреннего продукта, появ-

лением безработицы, инфляции, повышением уровня бедности, страна постепенно перестраивает свою экономику. В последние годы рост экономических показателей позволил в определенной мере стимулировать внутренний потребительский рынок, оптимизировать систему управления экономикой, отвечающую реалиям перехода к рыночной экономике, улучшить систему социальной защиты населения. Определелись новые подходы и принципы проведения экономических реформ. В системе рыночных преобразований одно из центральных мест заняла трансформация отношений собственности.

В последние годы многое сделано на пути формирования рыночной системы хозяйствования. Однако следует отметить, что некоторые преобразования замедлились в связи с недостаточно благоприятной правовой и экономической средой для развития бизнеса; слабой государственной поддержкой предпринимательской деятельности; низким уровнем инвестиционной привлекательности для зарубежных инвестиций; отсутствием широкого слоя эффективных собственников, ориентированных на долгосрочное развитие предприятий; насыщением отечественной продукцией кыргызстанского рынка и ее продвижением на мировой рынок; расширением производства и созданием новых рабочих мест и др.

Для стимулирования и нормативного обеспечения процесса перехода к рыночной экономике приняты Комплексная программа развития Кыргызской Республики на 2005–2015 гг., новый Налоговый кодекс КР и другие программные документы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аренд Р.* Источники посткризисного экономического роста в России // *Вопр. экономики.* 2005. № 1. С. 28–48.
2. *Аукционек С.П.* Равновесие в плановой экономике и проблемы перехода к рынку // *Экономика и математические методы.* 1992. Т. 28.
3. *Бальцерович Л.* Социализм, капитализм, трансформация: очерки на рубеже эпох. М.: Наука; Изд-во УРАО, 1999.
4. *Бузгалин А.В.* Переходная экономика: курс лекций по политической экономии. М.: Таурус; Просперус, 2008. 467 с.
5. *Бузгалин А., Колганов А.* Введение в компаративистику. М., 1997.
6. *Головачев А.* Экономика Республики Беларусь: проблемы и пути их решения // *Директор.* 2009. № 5. С. 13–17.
7. *Демографический ежегодник Кыргызской Республики.* Бишкек, 2011.
8. *Женщины и мужчины Кыргызской Республики /* Нацстатком КР. Бишкек, 2013.
13. *Занятость и безработица: итоги интегрированного обследования домашних хозяйств в 2010 г. /* Нацстатком КР. Бишкек, 2011.
14. *Занятость и безработица: итоги интегрированного обследования домашних хозяйств в 2010 г. /* Нацстатком КР. Бишкек, 2012.
15. *Капелюшников Р.И.* Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации // *Некоторые аспекты теории переходной экономики /* Рос. акад. наук; Ин-т мировой экономики и междунар. отношений; редкол.: В.А. Мартынов и др. М., 1999.
16. *Колодко Гжегож В.* От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. М.: ЗАО «Журнал “Эксперт”», 2000.
9. *Комплексная основа развития Кыргызской Республики до 2010 г.* Бишкек, 2004.
17. *Конституция Кыргызской Республики.* Бишкек, 2003.

18. *Коричелли Ф., Хейгмайер К., Рыбински К.* Польша: безработица, структурная перестройка экономики и рынок труда в Восточной Европе и России. М.: Инфра, 1995.
19. *Корнай Я.* Трансформационный спад // *Вопр. экономики.* 1994. № 3.
10. *Крыжанова Л.С.* Демографическая основа формирования и функционирования рынка труда: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Бишкек, 2012. 33 с.
11. *Кудабаев З.И., Ибрагимова Ш.* Стратегия роста и сокращения бедности в Кыргызской Республике // *Экономика и статистика.* 2002. № 3. С. 2.
20. *Кудабаев З.И.* Экономическое развитие Кыргызской Республики. Бишкек, 2001. 277 с.
21. *Кузнецов В.Н.* Попытка объяснения российского кризиса // *Шансы российской экономики / под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой.* М.: ТЕИС, 1997.
12. *Кумсков В.И.* Рыночный переход в прямом и непосредственном восприятии. Бишкек, 2006. 198 с.
13. Кыргызстан в цифрах / Нацстатком КР. Бишкек, 2008. 325 с.
14. Кыргызстан в цифрах / Нацстатком КР. Бишкек, 2013. 343 с.
15. *Людвиг фон Мизес.* Социализм. Экономический и социологический анализ. М., 1994.
16. *Маркс К.* Капитал. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 1. Гл. 24.
22. *Мусакожоев Ш.М.* Экономика Кыргызской Республики. Бишкек, 2000. 166 с.
23. Налогово-бюджетная политика в Кыргызской Республике // *Мониторинг.* 2008. Вып. 3, 6.
24. Национальный отчет по человеческому развитию за 2008 г. Бишкек, 2008.
25. *Нецадин А.* Экономический рост и ограничения человеческого потенциала // *Общество и экономика.* 2007. № 5–6. С. 10–18.

26. *Ойкен В.* Основные принципы экономической политики / под общ. ред. Л.И. Цедилина и К. Херманн-Пиллата; вступ. ст. О.Р. Лациса. М.: Прогресс, 1995. С. 273.
27. Основные показатели экономического положения Российской Федерации // Рос. газета. 2008. 14 февр. С. 4–5.
28. *Полоник С.С.* На пути к рыночной экономике // Белорусская экономика: анализ, прогноз, регулирование. 2008. № 6. С. 3–12.
29. Польша: тенденции в экономике в 1996 году // Проблемы теории и практики управления. 1997. № 3 // http://ptpu.ru/issues/3_97/contents.htm.
30. *Попов В.* Динамика производства при переходе к рынку: влияние объективных условий и экономической политики // Вопр. экономики. 1998. № 7. С. 42–63.
31. *Попов В.* Конструктор для финансиста // Эксперт. 1999. № 38. С. 19.
32. *Попов В.* Сильные институты важнее скорости реформ // Вопр. экономики. 1998. № 8. С. 56–70.
33. Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: материалы VI Междунар. науч. конф. Минск, 2–3 окт. 2003 г.: в 2 т. / НИЭИ МЭ РБ. Минск, 2003.
34. Проблемы трансформационной экономики: сб. науч. тр. / отв. ред. Н.Х. Кумскова. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2004. 259 с.
35. Реализация КОР в 2001–2002 гг. Бишкек, 2003. 102 с.
36. *Рикошинский А.С., Кириллова Н.А.* Внешнеэкономические связи между Россией и Кыргызстаном // Внешняя торговля. 1999. № 1. С. 10–22.
37. Россия-2015: оптимистический сценарий / под ред. Л.И. Абалкина. М.: ММВБ, 1999.
38. *Роценко А.В.* Особенности переходной экономики и ее специфика в Республике Беларусь // Весне БДЭУ. 2008. № 3. С. 100–106.
39. *Рудый К.* Переходная экономика: сущность и варианты стабилизации // Банк. 2008. № 22. С. 17–23.

40. *Синицина И.С., Чудакова Н.А.* Социально-экономическая трансформация Польши // *Общественные науки и современность*. 1996. № 2. С. 29.
41. Социальная политика в период перехода к рынку. М., 1996.
42. Социальное развитие Кыргызской Республики. 1993–1998 гг.: стат. сб. Бишкек, 2003. 138 с.
43. Социально-рыночные рубежи Кыргызстана. Бишкек, 2003. 125 с.
44. Социально-экономические модели в современном мире и путь России / *Междунар. ассоциация акад. наук, РАН*; под ред. К.И. Микульского. М.: ЗАО «Изд-во “Экономика”», 2007. 757 с.
45. Социально-экономическое положение Кыргызской Республики. 2002 г. Бишкек, 2003.
46. Социально-экономическое положение Кыргызской Республики. 2004–2008 гг. Бишкек, 2009.
47. Социально-экономические проблемы и перспективы переходного периода. Бишкек, 2002.
48. Социально-экономические проблемы трансформации экономики в Кыргызстане. Бишкек, 2003. 257 с.
49. Социально-экономическое развитие Кыргызской Республики. 1998–2002 гг. Бишкек, 2004. 190 с.
50. Социально-экономическое развитие Кыргызской Республики в трансформационный период. Бишкек, 2009.
51. Среднесрочное прогнозирование бюджета / *Минфин*. Бишкек, 2008.
52. Стратегические проблемы и перспективы экономики Кыргызской Республики. Бишкек, 2008.
53. Статистический ежегодник Кыргызской Республики. Бишкек, 1997. Ч. 2.
54. *Ткачев С.П.* Теоретические аспекты развития переходных экономик: некоторые выводы из опыта Беларуси // *Белорусский экономический журнал*. 2008. № 4. С. 4–12.
55. *Торлопов В.* Экономика должна наконец стать социально ориентированной // *Человек и труд*. 2000. № 8. С. 14–17.

56. Трансформационная экономика России / под ред. А.В. Бузгалина. М.: Финансы и статистика, 2006.
57. Уровень жизни населения Кыргызской Республики. 2008–2012 гг. / Нацстатком КР. Бишкек, 2013.
58. Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса. М., 2008.
59. Экономика Кыргызстана. Реалии и перспективы. Бишкек, 2010.
60. Экономическая и социальная безопасность в Кыргызской Республике. Бишкек, 2007.
61. Экономическая теория / под ред. Н.Х. Кумсковой. Бишкек, 2010.
62. *Яковец Ю.В.* Циклы. Кризисы. Прогнозы. М.: Наука, 1999. С. 324.

Л.С. Крыжанова, Д.В. Шипилов

**ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ
ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ПРОЦЕССОВ**

Редактор *И.В. Верченко*
Компьютерная верстка *А.С. Шелестовой*

Подписано в печать 20.07.2015
Формат 60×84 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Объем 7,0 п.л. Тираж 100 экз. Заказ 113

Издательство КРСУ
720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44

Отпечатано в типографии КРСУ
720048, г. Бишкек, ул. Горького, 2